

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Милан Хаунер

ЧТО ТАКОЕ ДЛЯ НАС АЗИЯ?*

Предисловие

В конце нынешнего века, как и в его начале, мир с тревогой думает о будущем Российской империи. Россия, намного превосходя все другие страны по территории, обладая громадными природными ресурсами и самой большой армией в мире, из-за одной своей массы является весьма важным фактором международной политики. Ее действия или нежелание действовать) отзываются серьезными последствиями для всех ее соседей — от Восточной Европы до Ирана, от Черного моря до Тихого океана.

Лет 80-90 назад главной причиной озабоченности иностранных наблюдателей — и главной надеждой российских империалистов — было дальнейшее продвижение царского колосса вглубь континента: на Ближний Восток, в Среднюю Азию и на Дальний Восток. В отличие от сравнительно слабеющей системы европейских держав Россия вместе с Соединенными Штатами (а в какой-то мере и с Германией) рассматривалась как одна из восходящих великих держав мира. Быстрый рост населения, ускоренные темпы индустриализации, развитие широкой сети железных дорог, — все предвещало благоприятные перспективы страны. Как пойдет дальше развитие России, какое приложение найдет она своим возрастающим мощи и влиянию — об этом с беспокойством размышляли государственные деятели от Лондона до Токио. Но что рост непременно будет происходить, считалось само собой разумеющимся. Государственный муж начала века, вернись он на землю, скажем, в 1945

* Главы из книги Milan Hauner. *What is Asia to Us?* Unwin Hyman, Boston, 1990.

или в 1980 г., был бы поражен переменной режима в Москве, но вряд ли его удивило бы усиление позиций России.

В противоположность этому, нынешних наблюдателей, даже не питающих симпатий к Советскому Союзу и российской державе, беспокоит возможность распада России. Представляется весьма возможным, что этот распад будет сопровождаться массовыми беспорядками, национальными и религиозными распрями; не исключены в связи с этим международные кризисы и военные столкновения.

Главная причина критической ситуации в Советском Союзе хорошо известна. Это тяжелое поражение, которое потерпела централизованная коммунистическая экономика в удовлетворении материальных потребностей граждан; постоянный упадок марксистских обществ в сравнении с быстро растущими хозяйствами Запада и, что еще более примечательно, — с хозяйствами Восточной Азии. Эта неудача в области экономики — как раз в той сфере жизни, в которой "научный социализм" претендовал на превосходство, — вызвала всеобщие сомнения в жизнеспособности политической системы Советского Союза, во всяком случае той ее формы, которая воплощается в жестком централизованном контроле, в монополии коммунистической партии на власть и в упорном соблюдении идеологической ортодоксии. Программа реформ, начатая Горбачевым под лозунгами перестройки и гласности и вызванная в первую очередь этим крахом легитимности советской системы, по существу является свидетельством того, что сомнения в легитимности будут продолжаться, если они не будут подавлены консервативным переворотом.

Сосредоточившись на кризисе марксистской идеологии и на социальной революции в России, часто не обращают внимания на геополитическую обстановку, в которой разворачивается и будет разворачиваться эта драма. Большое достоинство работы Милана Хаунера "Что такое для нас Азия?" состоит в том, что она напоминает читателю о физических, географических и демо-

графических проблемах, с которыми сталкивается любой режим — царский, марксистский или либерально-реформистский, желающий управлять этими огромными землями. Как отметил в 1904 г. Хальфорд Макиндер, огромные географические пространства России являются постоянным фактором при любых социальных и политических переменах.

Д-р Хаунер вводит нас в геополитический аспект нынешнего кризиса российского государства весьма своеобразным и необычным путем — анализируя исторические дискуссии об отношении России к Азии и в особенности к Евразии. Страстные дискуссии на этот счет велись в среде русской интеллигенции, начиная с Достоевского. Наиболее известные на Западе суждения по этому вопросу принадлежат Хальфорду Макиндеру, одному из отцов-основателей геополитики. Сосредоточив внимание на развитии глубинных районов Евразии под российским господством, а затем — на последствиях этого развития для других великих держав (в особенности морских), Макиндер указал на особое положение России как страны и европейской, и азиатской, в частности, — тихоокеанской державы.

На первый взгляд такое двойственное положение представляется огромным преимуществом России, выгодным наследством веков континентальной экспансии, начавшейся из сердцевины страны — Московского княжества. Но, как указывает д-р Хаунер, это положение создает и огромные проблемы, вводя непреодолимый элемент двойственности в формирование политики России. Ныне это можно заметить в том, как Горбачев, с одной стороны, силится представить Россию неотъемлемой частью "общеевропейского дома", а с другой (во владивостокской речи), — объявляет ее полноправным членом переживающего экономический бум "тихоокеанского побережья". Термин "Евразия" — несомненное свидетельство этой двойственности.

Для полноты картины следовало бы указать, что Россия — не единственная страна, для которой характерна такая двойственность. Еще один достойный пример —

Соединенные Штаты, держава и атлантическая, и тихоокеанская. Почему же проблема возникает именно в России?

Причина, по Хаунеру, заключается в геополитических обстоятельствах. В первую очередь, это физические трудности, которые создают жесткие ограничения масштабов коммуникаций между Россией и Сибирью или советским Дальним Востоком. Во многих отношениях это отдельные страны. В то же время густая сеть воздушных, железнодорожных и наземных путей сообщения связывают оба побережья США в географически интегральное целое, и это принимается ныне как нечто само собой разумеющееся. Растянутые и ненадежные коммуникации между Россией и Дальним Востоком по существу принуждают советских военных стратегов исходить из того, что в случае войны им придется вести отдельные (и основанные на самообеспечении) кампании в этих регионах.

Но и эта трудность бледнеет в сопоставлении с главной проблемой: срединная территория Советского Союза, по Макиндеру — евроазиатская "сердцевина", является преимущественно нерусской; здесь размещены 50 млн. украинцев и 50 млн. жителей южных мусульманских республик, хранящих горькую память о царских завоеваниях и советской коллективизации. К тому же именно в этих районах население по-прежнему растет, тогда как русское население ныне почти не увеличивается и вскоре останется в меньшинстве. Иными словами, "сердцевина" ныне представляет собой этнодемографическую бомбу замедленного действия... Региону, к которому привлекает наше внимание д-р Хаунер, а также тяжелым геополитическим реалиям российско-советской системы предстоит сыграть решающую роль. Поэтому работа "Что такое для нас Азия?" заслуживает самого широкого внимания читателей и тщательного изучения.

*Пол Кеннеди
Йельский университет
Нью-Хевен, Коннектикут*

ЧТО ТАКОЕ ДЛЯ НАС АЗИЯ?

"Для чего и какому грядущему? Какая необходимость в грядущем захвате Азии? Что нам в ней делать? Поэтому необходимость, что Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат... Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть Азия-то и есть наш главный исход...

В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явились господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия".

Ф.М. Достоевский, 1881¹

"Развитие цивилизации приобретает все более энергичный характер на Востоке, в Азии и в зоне Тихого океана. Наша экономика также смещается в Сибирь, на Дальний Восток... Советский Союз — не только европейская, но и азиатская страна, и он выступает за создание в огромном азиатско-тихоокеанском регионе, куда, скорее всего, в предстоящее столетие будет перемещаться центр мировой политики, основ для улучшения обстановки, пересмотра отношений на основе учета интересов всех государств, на основе баланса таких интересов. Мы против того, чтобы этот регион был чьей-то вотчиной".

М.С. Горбачев, 1987²

Эта книга — о месте Азии в умах русских и о роли азиатских территорий (большей части континента Евразии) — в русско-советском геополитическом мышлении в последние сто лет. Хотя нашей главной задачей является русская идеология в отношении Азии, мы не можем позволить себе здесь дать систематический обзор русско-советского художественного отражения азиатской тематики. За пределами настоящей работы остаются также и

различные аспекты отношения азиатских народов к русской колонизации. Обзор по этим вопросам можно было бы только приветствовать, и он мог бы послужить естественным фоном настоящей работы³. Однако в нашем рассмотрении "азиатчины" (амбивалентный русский термин, обозначающий чуть ли не беспредельное стремление русских отождествить себя с Азией, демонстрируя при этом презрение к азиатским народам и цивилизациям как к крайне варварским⁴.) нам придется ограничиться описанием лишь некоторых аспектов этой сложной проблемы, значение которой тем не менее остается решающим для понимания русской и советской Евразии.

Главная тема — это критическая оценка дискуссии о "географическом ядре", выдающимися участниками которой были два знаменитых толкователя судеб мира, выступавших в ту эпоху, когда империалистический экспансионизм достиг и своего зенита и своего надира, — это британский географ Халфорд Макиндер и немецкий геополитик Карл Хаусхофер. Ныне в любом обсуждении геополитических факторов, определяющих советскую евроазиатскую державу, этих двоих цитируют к месту и не к месту. Следует помнить, что когда в 1904 г. Макиндер впервые сформулировал свой плодотворный тезис о важности евроазиатского географического ядра в России, в России его полностью проигнорировали на многие годы.

Почему же русские не захотели обсуждать идеи Макиндера? Ведь в них содержался рациональный рецепт того, как России стать правителем "Всемирного острова", пусть даже эта возможность зависела от поведения двух фланговых держав — Германии и Японии, располагающихся на "маргинальных полумесяцах", которые окаймляют Евразию. Объяснение состоит в том, что русские не желали просвещаться относительно собственной империи с помощью неких западных наставников, и уж, конечно, не с помощью англо-саксов, которых в тот период острого англо-русского соперничества они подозревали в коварных замыслах. У них были свои таланты. Кроме того, когда тезис Макиндера нашел дорогу в Советскую

Россию в обычной для этой страны немецкой упаковке, это лишь усилило споры вокруг его идей: раньше их могли бы по достоинству оценить и надлежащим способом переварить. По иронии судьбы, германская геополитика стала одним из самых бешено ненавидимых терминов в словаре советской антиимпериалистической пропаганды. Можно было подумать, что основателя геополитики Карла Хаусхофера, всю жизнь отстаивавшего советско-германское сотрудничество и приветствовавшего нацистско-советский пакт 1939 г., следовало наказать за предательское нападение Гитлера на Советский Союз в 1941 г.

Русские авторы и царской, и советской эпохи по причинам, касающимся только их самих, избегали непосредственно обсуждать со своими западными коллегами пространственные проблемы их империи, в особенности в терминах, несущих некую идеологическую нагрузку, как это имеет место в геополитике. Представляется, однако, и в следующих главах будет сделана попытка показать это, что и в русском, и в советском империалистическом мышлении скрыто присутствует геополитика, хотя русская и советская фразеология тщательно избегает геополитических терминов.

В нашей дискуссии неизбежно придется коснуться использования империалистического и колониалистского словаря в приложении к русско-советской евроазиатской империи; по соображениям политической тактики, он может использоваться чрезмерно или недостаточно. Одна из проблем в этой области состоит в том, что новейшие теоретические работы о колониализме написаны с западной точки зрения, на волне теорий модернизации, "неформальных империй" и экономической отсталости, и русско-советский опыт там не рассматривается⁵.

Рассмотрим явное сходство пространственных проблем. Разве не существует хотя бы внешнего сходства между русской экспансией от моря до моря через Евразию по оси запад-восток и американским опытом экспансии на запад, от одного побережья к другому, сконцентрированным в идеологии "явленного предназначения"? Эта идеология оправдывала дальнейшее продвижение

и аннексию земель к западу от Миссисипи во имя "нашего явленного предназначения — распространиться по континенту, предоставленному нам Провидением для свободного развития наших ежегодно умножающихся миллионов граждан"⁶. Так, Достоевский, размышляя о будущем Российской империи в Азии, полагал, что "...Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил". В противоположность Европе, продолжал он, в характерном для него пророческом стиле, "...в будущем Азия — наш исход,...там наши богатства,...там у нас океан; ...когда в Европе, уже от одной тесноты только, заведется неизбежный и претящий им самим унижительный коммунизм"⁷.

Несмотря на то, что по историческим причинам и вследствие географического положения русские из всех европейцев выработали наиболее интимную связь с азиатским миром, в европейском контексте знание об этом было каким-то образом утрачено. Более поздние многообразные последствия русской экспансии в Азии никогда не были надлежащим образом оценены в Западной Европе, хотя это было явлением "огромного значения на самом высшем глобальном уровне"⁸.

В каком отношении Российская империя, утвердившаяся на огромных пространствах Евразии через 400 лет после свержения татарского господства, отличается от других колониальных империй эпохи империализма? Покойный Хью Сетон-Уотсон резюмировал ответ на этот вопрос в своем обычном сжатом стиле следующим образом:

"Географические масштабы экспансии не были сравнимы ни с чем; но и ее методы были не менее особенными. Любую форму экспансии и «империализма», известную из истории государств Европы и Америки, можно найти и в истории России. Русский послужной список в этом отношении не хуже и не лучше других. Русская экспансия в бассейне Волги имеет параллели в испанской реконкисте, поглощение Украины — в поглощении Францией Бургундии и Лотарингии, колонизация Сибири — в колони-

зации Северной Америки, покорение Кавказа — в покорении Англией горных районов Шотландии, аннексия Средней Азии — в создании Британской и Французской империй, русский империализм на Дальнем Востоке — в агрессии других европейских империалистических держав против Китая. А уж русско-японская война, как и англо-бурская, отличается тем, что они ближе к марксистской модели империалистической войны по экономическим мотивам, чем какой-либо иной пример из истории.

Русский послужной список такой же империалистический, как и у любой другой крупной нации. Однако русские авторы, от славянофилов середины XIX века до советских историков послевоенной эпохи, нередко утверждают, что русский народ почему-то неспособен к агрессии и нерусские народы как-то «добровольно объединились» с Россией. Существует распространенное убеждение, особенно сильно укоренившееся среди азиатских и африканских националистов, что поскольку русские завоевания шли в континентальном направлении, а не через моря, они были как бы «менее империалистическими», нежели завоевания европейских атлантических наций».⁹

Сетон-Уотсон не случайно начинает и заканчивает свой обзор ссылками на географию. Он имеет в виду весьма распространенный оптический обман, который возникает при взгляде на цветную карту Евразии и раздумьях над внушающей благоговение компактностью русско-советской евроазиатской территории. В отличие от Британской и Французской империй, здесь нет заметных естественных барьеров или крупных разрывов, заполненных голубой окраской водных пространств. Еще одним элементом территориальной плотности русской Евразии по оси экспансии (запад-восток) было отсутствие к востоку от Урала организованной государственной власти, поддерживавшейся крупной массой населения и способной противостоять русскому экспансионизму. Отрядам казаков — охотников за мехами, бродившими по Сибири, не составляло особого труда покорять или истреблять местные племена. Контролируя внутренние пути

сообщения — сначала реки, а затем железные дороги — и не встречаясь с вмешательством других государств, Россия смогла заселить эти огромные и пустые земли тысячами славянских, преимущественно русских, поселенцев, которые вскоре превзошли по численности редкое тюрко-монгольское население. Лишь на оси экспансии север-юг — в Туркестане и на Кавказе — русский экспансионизм столкнулся с иной географической, демографической и политической ситуацией. Но и здесь были сохранены принципы монополии доступа к пограничной, смежной территории и ее аннексии. То, что оказывалось за пределами оборонительного обвода этой величайшей в мире сухопутной крепости (например, русская Аляска), рано или поздно приходилось оставлять.

Если 80 лет назад можно было назвать империями не менее дюжины стран, то в 80-е годы XX века единственным подлинно сохранившимся имперским конгломератом, пережившим две последовательные ударные волны мировых войн и призывы к деколонизации, являлся Советский Союз или, точнее, — советская евроазиатская империя. Некоторые из бывших специалистов по колониальным проблемам, имеющие практический опыт в этой области, утверждают, что кроме геополитических гарантий территориальной непрерывности и Российской, и советской империи, решающим фактором ее сохранения было то, что среди всех империалистических держав лишь Россия никогда не теряла самообладания¹⁰. Будут ли Советы и дальше править унаследованными ими имперскими владениями и добьются ли они успеха там, где другие потерпели поражение?

Ответ на этот вопрос следует искать и в истории, и в современности. В истории потому, что это необходимо для объяснения успеха большевиков, которые в хаосе гражданской войны, последовавшей за распадом Российской империи в 1917 г., выступили в качестве единственного внутреннего претендента на власть, достаточно безжалостного в навязывании этой власти. Они не контролировали нерусские окраины — лишь административные и географические центры русской метрополии,

которые были также и центрами путей сообщения для остальной империи. Ленин доказал, что он несравненно более умелый тактик, чем его противники, ибо он знал, какие территории можно временно уступить; он был также единственным крупным лидером, который в принципе признал право нерусских подданных империи на самоопределение¹¹. Даже Макиндер, побывавший в Южной России в начале 1920 г., мог видеть, что перспективы многонационального антибольшевистского союза правительств вдоль юго-западных границ России — от польских националистов до грузинских меньшевиков — выглядят весьма малообещающими.¹²

До того как обратиться к современным аспектам проблемы, необходимо рассмотреть вопрос о преемственности между царской империей и Советским Союзом. Недавно Дитрих Гейер пытался ответить на вопрос о преемственности и различиях между этими двумя системами с точки зрения теории современного империализма.¹³ Но для Гейера оказалось трудным делом отнести русский империализм до 1914 г. к современному вследствие двойственной функции царской империи. Она была в одно и то же время и несомненно империалистической державой и полукOLONиальным государством, зависевшим от иностранных инвестиций, которых она, вследствие собственной экономической отсталости, не могла сама осуществить. Исключениями были Северная Персия и какое-то время Маньчжурия — собственные сферы экономического влияния России. Затем Гейер обнаруживал, что концепция современного империализма подходит Советскому Союзу после 1917 г. еще меньше, чем царской империи — правда, по другим причинам. По сути своего создания, Советский Союз представлял собой скорее антитезис, нежели особую форму империализма. Каковы бы ни были структура власти в Советском Союзе, его экономика и общество, — они, как Гейер вполне разумно доказывает, "не являются «капиталистическими»".¹⁴ Только обсудив эти два важных отрицания с точки зрения теории современного империализма (которая строится вокруг модели косвенного управления путем соз-

дания неформальных империй), Гейер соглашается признать, что на самом деле существует преемственность между двумя типами империй, и игнорировать ее невозможно. Так, если продвинуться лишь на четверть века от 1917 г. и взглянуть на русскую и советскую историю из времени второй мировой войны (с русско-советской точки зрения, — Великой Отечественной войны), преемственность становится настолько очевидной, что отрицать ее невозможно.

Согласно Гейеру, эта преемственность характеризуется тремя факторами. Первый и наиболее важный фактор — размеры и конфигурация нынешней империи, покрывающей почти ту же территорию, что и ее царская предшественница. Думается, что эта физическая преемственность, независимо от социальной системы и политического режима, определяет одержимость империи идеей безопасности и стимулирует искушение непосредственно включить соседние территории в ее многонациональное "жизненное пространство" (например, территории, аннексированные в 1939-1941 гг. в результате пакта Риббентропа-Молотова). Косвенные формы правления первоначально были применены лишь во Внешней Монголии, где в 1921 г. был установлен советский протекторат. Его первоначальная цель была не экономической, а стратегической — служить буфером против континентальной экспансии Японии в Северном Китае. Лишь после второй мировой войны Москва воспользовалась уникальной возможностью расширения своей территории путем создания неформальной империи беспрецедентных масштабов — сначала в Восточной Европе, а затем — в Азии, где ей пришлось, однако, дать задний ход в Северном Иране, Восточном Туркестане (Синьцзян) и Китае, а совсем недавно и в Афганистане.

С этим связан и второй фактор — относительно быстрое восстановление Россией ее традиционного статуса великой державы в системе международных отношений. Это лучше всего показывают маневры и рискованные игры Сталина между двумя враждебными империалистическими коалициями на ранних этапах второй мировой войны.

Третий фактор иллюстрируется преемственностью националистических и империалистических идей в Советском Союзе, несмотря на драматические перемены там и появление в стране новых элит. У этих идей может быть "советский привкус, но происхождение их несомненно российское".¹⁵

В рамках темы непрерывности и совпадения двух евроазиатских империй следует рассмотреть особую роль геополитических и идеологических компонентов. Представляется, что они в наибольшей степени характерны для определения типологии русской версии империализма. Концентрируя внимание на этой специфически русской форме *Drang nach Osten* ("стремление на Восток") в поисках нового географического ядра, мы обнаруживаем, что в Азии эти два компонента тесно переплетены. Более того, сегодня они особенно актуальны... Величайшая многонациональная империя находится ныне на пороге целого ряда радикальных структурных перемен, которые неизбежно отзовутся самым серьезным образом на сопредельных ей евроазиатских территориях, на непосредственных и отдаленных соседях и на ее стремлении к глобальной гегемонии.

На самом базисном уровне — на уровне основных экономических сил — в Советском Союзе наблюдается все более обостряющееся противоречие. Традиционные центры обрабатывающей промышленности, а также большая часть его европейского населения (70-75% в обоих случаях) находятся к западу от Урала. В то же время около 90% минеральных и энергетических ресурсов страны находятся за Уралом. Но расточительное развитие добывающих отраслей промышленности к востоку от Урала — лишь один из факторов, характеризующих постоянный сдвиг имперского центра тяжести на Восток.

Демографические и социальные силы азиатских народов, живущих и внутри, и вне границ советской евроазиатской империи, — еще один мощный фактор, осложняющий вековое продвижение России на Восток, к интеграции и ассимиляции с азиатскими территориями, которые ныне составляют три четверти империи. Хотя

климатические и физические трудности жизни в Сибири и огромные расстояния между европейской метрополией и отдаленным тихоокеанским регионом могут быть в значительной мере преодолены с помощью технологии, капиталовложений и принудительного труда, преодоление национальных, культурных и расовых различий требует несравненно более деликатных и человеческих усилий.¹⁶ Эта дихотомия выражается с одной стороны, в автаркической самодостаточности русско-советской евроазиатской империи, а с другой стороны, порождает вечные проблемы физической и человеческой географии и является главной причиной того, что советская Евразия никогда не была и, вероятно, никогда не будет по-настоящему объединена в одну империю от моря до моря, во всяком случае, столь же органично как Соединенные Штаты.

Стратегическое положение советской Евразии уникально, так как она граничит с тремя огромными геополитическими регионами — атлантическим (Западная Европа и США), тихоокеанским (Восточная Азия) и в потенциале — с южноазиатским (Индийский океан и часть Ближнего Востока).¹⁷ Европейский театр возможной войны (на русском военном жаргоне — ГТВД, т.е. "Главный театр военных действий"), на котором находится около половины советской военной техники и живой силы, традиционно остался после второй мировой войны основным. Но в последние два десятилетия выдвинулись два новых ГТВД, оба в азиатской части империи, — Дальневосточный ГТВД (с 1978 г.) и Южный ГТВД (с 1984 г.).¹⁸ Таким образом, несмотря на то, что в прошлом решения Москвы в области национальной экономической политики обычно определялись приоритетом европейской метрополии, нередко их могли обусловить и проблемы безопасности, связанные с азиатской частью империи: 1) стратегические потребности, диктуемые китайско-советским конфликтом (до 1945 г. — японской угрозой), а также советскими великодержавными амбициями в регионах Тихого и Индийского океанов; 2) забота о сохранении этносоциального единства многонациональной империи, в особенности в ее

"мягком подбрюшье" — Средней Азии, заселенной мусульманским населением с его самым высоким уровнем рождаемости.

Представим на минуту, что наш мир международной политики и конфликтов внезапно застыл примерно на несколько десятилетий. Даже если позволить действовать изначальным биологическим силам без вмешательства политических обстоятельств, то и тогда в 2080 г. этот регион будет не тем, чем он является сегодня. Мусульманские народы вследствие высокой рождаемости намного превзойдут по численности не только великороссов (которые, так или иначе, перестали быть большинством населения СССР и составляли лишь 48,5%), но и все его европейское население.¹⁹ Уже одна эта перспектива должна пробудить наше любопытство относительно возобновления дискуссии о географическом ядре, когда даже руководитель советской империи отмечает, что его страна достигла критической точки ее внутреннего развития и перед концом века должна решить, не переменить ли ей курс.

Как Москва в таких условиях намерена справиться со своими азиатскими территориями и пограничными связями? Не переросла ли империя самое себя, если использовать аналогию из книги Пола Кеннеди "Возвышение и падение великих держав"; не приняла ли она на себя слишком много чрезмерных обязательств?²⁰ Не принадлежит ли нынешняя советская империя к списку увядших империй прошлого — Испании Габсбургов, Франции Бурбонов, Османской Турции, эдвардианской Англии? Вступила ли уже советская империя в стадию чрезмерного самопарализующего имперского роста? И, если это так, то где виднее трещины в здании империи — к западу или востоку от Урала?

Нигде эта дихотомия между амбициозным наследием русской колониальной миссии в Азии и геостратегическим положением СССР не заметна так отчетливо, как в азиатско-тихоокеанском регионе, где, согласно Горбачеву, "развитие цивилизации приобретает все более энергичный характер".²¹ Однако именно здесь, к вос-

току от озера Байкал, советское имперское присутствие представляется наиболее анахроничным и отставшим от времени на фоне динамичного развития этого осевого региона. В последние два десятилетия хозяйство здесь развивалось весьма энергично, торговая конкуренция была жестокой и скромные, но обращающие на себя внимание экономические успехи программы модернизации коммунистического Китая бросили, по-видимому, серьезный идеологический вызов Москве (я готов доказать, что явные успехи экономической либерализации Китая, поддержанной не советскими экономическими советниками, а техническим опытом Восточной Азии и Запада, мог стать одним из главных мотивов решения Горбачева начать перестройку).

Как реагировала советская империя до Горбачева на эти перемены? Сначала она удвоила, а затем утроила свои вооруженные силы в этом регионе, расширила тихоокеанский флот так, что он стал крупнейшим из четырех советских флотов и обладателем наибольшей наступательной мощи, создала Дальневосточный ГТВД, приняла целую серию военных мер, угрожающих безопасности Китая и Японии. Подлинный контраст между сверхмилитаризацией и постоянным относительным и абсолютным упадком гражданского сектора на советском Дальнем Востоке (который, в сущности, не принимал никакого участия в бурном развитии хозяйств тихоокеанского восточно-азиатского региона) побудил одного из видных специалистов по советской Азии применить термин "паразитизм" для характеристики отношений между регионом и метрополией.²²

После этого краткого описания пространственных геополитических аспектов одного из наиболее заметных парадоксов советской среднеазиатской империи мы по-прежнему остаемся перед вечной проблемой: к чему относится этот многогранный имперский конгломерат? К Европе? К Азии? Или же его следует рассматривать как нечто особое, подобное Индийскому субконтиненту?

Необходимо предостеречь читателей горбачевской книги "Перестройка и новое мышление": ее автор просто

продолжает ту же извечную мистификацию относительно геоисторической идентификации империи. Обращаясь к западноевропейскому читателю, Горбачев демонстрирует гнев против тех, кто "пытается исключить Советский Союз из Европы", и выступает со страстным призывом, даже, пожалуй, с эмоциональным требованием о "паневропейской политике" во имя "Европы — нашего общего дома". Претендует ли горбачевский Советский Союз на европейское наследие, потому что коммунистическая идеология — западноевропейского происхождения? Ни в коем случае. В книге слово "коммунизм" тщательно обходится. На удивление эффектно использует Горбачев два старых, и в то же время новых довода в пользу "европеизма" — доводы еще дореволюционного происхождения, которые использовали русские западники на протяжении всего XIX века: 1) мы, русские, — европейцы, потому что мы христиане; вместе с другими христианскими подданными нашей империи мы считаем себя законными наследниками великой европейской цивилизации (здесь следовало бы спросить: а как быть с татарами, народами Кавказа, узбеками и другими азиатскими народами, населяющими Советский Союз? На какое "наследство", на какую "великую цивилизацию" они могут претендовать?); 2) Мы спасли Европу от нацистской тирании, и именно "наш народ принес на алтарь освободительной борьбы против гитлеровского фашизма самые большие жертвы: в той страшной войне погибло более 20 млн. советских людей")²³ (до разгрома Гитлера аналогичным доводом была "первая великая отечественная война" русского народа против Наполеона).

В эмоциональной проповеди Горбачева даже четко очерчены границы "нашего общего европейского дома". С явным антиамериканским прицелом (они принадлежат к иной цивилизации, не в силах оценить европейского наследия, а главное, они создали НАТО, в результате чего "Европа вновь оказалась впряженной в милитаристскую колесницу, наполненную на этот раз ядерными зарядами")²⁴, Горбачев мудро присваивает себе деголлевскую формулу:

"...Европа «от Атлантики до Урала» — это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX-XX веков... Словом, в Европе новое спасительное мышление имеет гораздо более благоприятную почву, чем в любом другом районе соприкосновения двух социальных систем".²⁵

Если это так, то как Горбачев находит решение вопроса о том, что три четверти советской территории и около 80 млн. подданных страны находятся в Азии? В своей памятной владивостокской речи (июль 1986 г.) Горбачев определяет Советский Союз просто как "также азиатскую страну".²⁶ Через год в "Перестройке...", занимаясь почти исключительно "азиатско-тихоокеанским узлом", он возводит азиатский компонент своего уравнения на ту же степень важности, какой ранее пользовался европейский компонент: "Советский Союз — азиатская, так же как и европейская страна".²⁷ Однако тема исторических связей им почти не поднимается. То, что касается Азии, рассматривается с весьма практической точки зрения — в связи с экономическими вопросами, вопросами ядерного и обычного разоружения, предложениями об улучшении связей с азиатскими странами.

Чтобы определить, сколько на самом деле есть у Советского Союза общих домов, кроме европейского, было бы полезно внимательно прислушаться к словам летучего советского руководителя о каждом аванпосте на имперской границе. В июле 1986 г. во Владивостоке он лирически поет о тихоокеанском побережье — нашем общем доме; через несколько месяцев он заявляет в Индии нечто подобное, говоря об индийско-советской дружбе в контексте индоокеанского региона; почти через год, в октябре 1987 г., Горбачев прибывает в Мурманск, откуда он обращается к канадцам и скандинавам, называя Арктику нашим общим домом. Как иронически заметил Мартин Уокер в своей статье о значении географии в русской истории, проблема состоит в том, что "Советский Союз чертовски велик, и у него слишком много общих домов, чтобы его многочисленные соседи могли чувствовать себя удобно".²⁸

Дело тут не в России, которая может претендовать на историческую связь с Европой, а в советской евроазиатской империи в целом — величайшем из выживших конгломератов эпохи империалистической экспансии. Если бы власть Кремля ограничивалась великим княжеством Московским или, в крайнем случае, — четырехугольником, расположенным между Черным и Балтийским морями, Польшей и Волгой (а не Уралом²⁹), то можно было бы принять претензии России на принадлежность к европейским государствам. Но по той же причине у нас сегодня нет больше оснований отказывать России в требуемом ею и чаемом ею месте в нынешнем Европейском Совете, чем у лорда Кеслри и Талейрана — в месте на Венском конгрессе 1815 г.; и уж, конечно, не мог этого сделать тогда и Меттерних (не раз говоривший, что Азия начинается у ворот Вены).

Ясно, что ни Достоевский, ни Горбачев не дали определенного ответа на вопрос, что же такое общий дом России. Возможно, что прежде, чем рассматривать понятие "русская идея", необходимо выяснить проблему национальных интересов. В чем состоят (или, скорее, состояли) русские национальные интересы в Азии? Отличны ли от них советские национальные интересы? Уинстон Черчилль в часто цитируемой речи от 1 октября 1939 г. пытался истолковать причину советского вторжения в Польшу сразу же после нападения нацистов. Он определял СССР примерно так же, как царскую Россию: "секрет, окутанный тайной и помещенный внутри загадки". Ключом, посредством которого можно объяснить действия России в будущем, он считал "русские национальные интересы".³⁰

Настоящие проблемы начинаются при попытке расположить русские (советские) национальные интересы в каком-то логическом порядке и по некоторой иерархии. Каковы здесь приоритеты — геополитические и идеологические? Чего ищет Россия в Азии? Почему русские колонизировали ее, и почему они по-прежнему держатся за огромные и пустынные просторы негостеприимной азиатской земли? Интересуют ли их богатства Сибири

(в прошлом меха, ныне — топливо, полезные ископаемые, энергетические ресурсы)? Ищут ли они по-прежнему выхода к теплым морям, чтобы компенсировать свою главную геостратегическую слабость? Чувствуют ли они себя по-прежнему народом, у которого есть миссия в Азии, — ассимилировать различные культуры и расы под прикрытием русифицированной советской идеологии? Ясно, что выгоды этого огромного колониального предприятия в Азии столь же велики, как и его бремя.

Действительно ли Горбачев продемонстрировал русские (советские) интересы в Азии в своей речи во Владивостоке 28 июля 1986 г.? Этот город — конечная станция Транссибирской железной дороги длиной 9 тыс. км, скрепляющей евроазиатскую империю. Его название (владыка Востока) должно по-прежнему звучать для китайского уха как один из самых оскорбительных символов европейской колонизации Азии. Горбачев начал свою речь с восхваления неразрывного единства между самой отдаленной провинцией империи и родиной.³¹

Такие пассажи руководителя Советского Союза весьма напоминают дореволюционное геополитическое видение российской евроазиатской империи, простиравшейся "от моря до моря". Как бы пытаясь легитимизировать постоянное советское присутствие на Дальнем Востоке ссылкой на высший теократический авторитет русского марксизма, Горбачев отмечает, что "с особой теплотой Владимир Ильич Ленин назвал город Владивосток городом "нашенским"³². Далее генеральный секретарь перешел к восхвалению деяний русского военноморского офицера Г.Н.Невельского (1814-1876 гг.), одного из исследователей бассейна Амура и основателя города Николаевска на тихоокеанском побережье. Как образованный русский, Горбачев должен был припомнить знаменитое высказывание императора Николая I, чье имя город по-прежнему носит, безоговорочно отвергнутое предложение своего министра иностранных дел вернуть Николаевск китайцам. "Нет, — сказал царь, — там, где однажды был поднят русский флаг, он никогда не может быть спущен".³³

Решимость удержать Дальний Восток во что бы то ни стало становится реальностью с решением построить Транссибирскую железную дорогу (1891-1904 гг.). Русские правители Дальнего Востока дошли до точки, от которой уже не было возврата. За всю советскую эпоху провоцирующее название Владивостока не изменилось, в то время как среди бывших колониальных владений западных государств вряд ли можно найти место со столь вызывающим империалистическим названием. Вряд ли можно ожидать, что нынешние советские правители Дальнего Востока будут вздывать свой флаг с меньшим пиететом, нежели их царские предшественники. Западные наблюдатели, комментируя владивостокскую речь Горбачева, полностью обошли вниманием то глубокое эмоциональное подкрепление, которое представитель родины принес дальним русским поселенцам тихоокеанского побережья.

Поразительно, насколько русское колониальное присутствие в Азии принимается внешним миром как нечто само собой разумеющееся. Не объясняется ли это тем, что мы привыкли рассматривать Евразию как один огромный континент без каких-либо естественных разрывов (вроде широких полос морской воды) с русскими поселенцами, твердо окопавшимися вдоль Транссибирской магистрали? Какой сюрреалистической аналогией могла бы быть речь нынешнего британского премьер-министра, если бы он во время визита в Южную Африку использовал вводную часть владивостокской речи Горбачева и призвал белых поселенцев защищать эту "нашенскую" землю.

Итак, можно сделать предварительный вывод, что некая своеобразная корреляция между географией и идеологией определяла русские национальные интересы в отношении Востока и руководила ими — вплоть до тихоокеанского побережья и памирского плоскогорья. Так сложилось величайшее в истории империализма по протяженности с запада на восток и с севера на юг континентальное пространство территориальной экспансии.

РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И АЗИЯ

Азия и мы

Вследствие уникального сочетания исторических обстоятельств и географического положения, приведшего к смешению европейской и азиатской частей Российской империи, русские издавна претендуют на тесные и близкие связи с Азией. Еще не так давно, пока их не вытеснили казаки и охочие до земли русские крестьяне, народы азиатского происхождения населяли берега Волги, Кубани и Урала. Кочевники проникали в русскую европейскую степь намного дальше, чем об этом можно было бы судить по нынешнему размещению азиатского населения в СССР.

Здесь не место спорить о том, где кончается Европа и начинается Азия. Такие споры ведутся лишь для удобства наблюдателей. Необходимо, однако, рассмотреть своеобразные претензии русских на особые отношения с Азией, с ее народами и племенами. Необходимо также проверить самоуверенное убеждение русских в том, что они понимают Азию и ее обитателей лучше, чем какой-либо другой европейский народ. Основа этой странной претензии — коллективно пережитые страдания и пространственная мания величия. Речь идет о том, что благодаря особым жертвам, принесенным русским народом, Европа была спасена от азиатского вторжения; а стойкость русских, помогшая им пережить монгольское иго, которое Николай Рязановский справедливо называет "самым травматическим переживанием в истории русского народа",³⁴ дает право русскому народу и правительству на особый подход к территориальной экспансии под предлогом обеспечения безопасности. Здесь следует дать оценку русскому отношению к Азии и его различия экспансии на восток от экспансии на юг и на запад. Как поколения русских воспринимали будущие очертания русской империи? Как советские восприимчивики

царского наследия вели себя в аналогичных обстоятельствах?

При Петре Великом Россия, будучи в основном вовлеченной в борьбу со Швецией и Польшей за выход к Балтийскому и Черному морям, все же укрепила свою власть в Сибири и совершила прорывы на Кавказ, в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Однако несмотря на стремление Петра способствовать изучению Азии, в петровской России Восток пытались толковать в тех же терминах, что и в Западной Европе³⁵. Поэтому на жителей Востока смотрели как на людей отсталых и примитивных, а русские, получившие воспитание на Западе, оказались в главном русле европейской идеологии империализма, подчеркивая при всех возможных okazиях уникальную способность русских сочетать культурное превосходство европейцев с внутренним пониманием азиатского образа жизни.

В течение всего XIX века многие представители русской мыслящей общественности писали и говорили о своей увлеченности Востоком. Многие из них искренне верили, что судьба России — изучать культуры Востока и в конечном счете установить свою власть над ним. Граф Сергей Уваров (1786-1855 гг.), министр просвещения, верил, например, что поскольку "Восток единодушно признан как колыбель вселенской цивилизации, ... нам невозможно отрицать, что Азия — центральная точка, из которой исходят все лучи света, рассеянные по миру"³⁶. В 1810 г. Уваров выступил с идеей Азиатской академии, которая, однако, не осуществилась. Другие, как Алексей Хомяков (1804-1860 гг.), при всей своей приверженности к русскому православию и оппозиции оттоманской власти над христианами и братьями-славянами, ценили ислам выше, чем католицизм. Хомяков изучал санскрит и, хотя он был знаком с западной культурой, противился ее культу индивидуализма, подчеркивая необходимость сотрудничества и "соборности". В качестве одного из основателей славянофильского движения, Хомяков считал славян выдающимися представителями арийско-иранской расы³⁷. Мистический

славянофильский поэт Федор Тютчев (1803-1873 гг.) проповедовал будущую великую православную славянскую империю с православным папой в Риме, подчиняющимся русскому царю, резиденция которого находится в Константинополе³⁸. Даже для ультраконсерватора-славянофила Константина Леонтьева (1831-1891 гг.) желанный образ будущей русской империи в Азии отличался от западного имперского стереотипа. Тибетские и индуистские традиции вдохновляли его больше, чем западное христианство. Подобно Хомякову, Леонтьев обладал острым расовым зрением (см., например, его "Племенную политику как орудие всемирной революции", 1888) и питал большие надежды на то, что туранский компонент сформирует русскую славянскую культуру в нечто духовно более высокое и отличное от Европы³⁹.

Что касается русских революционеров, то они, подобно Марксу, вначале презирали Азию и оправдывали европейскую колониальную экспансию как необходимый двигатель прогресса, который призван преобразовать все согласно социалистическому мировому порядку⁴⁰. Но вскоре процесс "обуржуазивания" европейского рабочего класса разочаровал русских. Александр Герцен (1812-1870 гг.), особенно склонный к пророчествам русский революционный эмигрант, предсказывал антизападное восстание Востока в отместку за колониальную эксплуатацию. Русская крестьянская община поднимется именно как форма сопротивления вестернизации и тому, что Герцен называл "петроградством". Только среди русских мужиков сохраняется первоначальный смысл демократии; "петроградство" способно лишь к социальной революции через принудительный труд, и то же повторит коммунизм⁴¹.

Наиболее оригинальным из бывших русских революционеров, во многих отношениях предшественником таких историков-универсалистов как Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби был идеолог панславизма Николай Данилевский (1822-1885 гг.). Отрекшись, подобно Достоевскому, от своих революционных взглядов, он развил в книге "Россия и Европа" (1869 г.) захватывающее

дух пространственное видение Всеславянского союза, руководимого Россией и простершегося от Адриатического моря до Тихого океана с Царьградом (Константинополем) в качестве ее естественной столицы. Данилевский никогда не признавал модной теории об исторической обреченности Европы на вечную борьбу с Азией. Поскольку он основывался на своей циклической типологии цивилизаций, географические и культурологические различия между Азией и Европой не имели для него смысла; вместо этого он доказывал, что главные европейские расы (арийцы, семиты, туранцы и т.д.) и религии (иудаизм, христианство, ислам) происходят из Азии. Зеркально отражая идеи пангерманизма, Данилевский провидел глубокий раскол между Западной Европой, которую ныне представляет в качестве доминирующей силы романо-германский тип цивилизации, и греко-славянской цивилизацией. Война между ними неизбежна, и ее кульминацией будет создание Всеславянского союза, которое увенчает усилия, в прошлом предпринятые Филиппом Македонским, Александром Великим и императором Константином. По Данилевскому, так называемый восточный вопрос найдет свое решение в том, что Россия сменит Византию и Османскую Турцию как наследник Константинополя — онтологического центра мира⁴².

Таким образом, если оставить в стороне крайние взгляды Данилевского, можно отметить двойственность отношения русских к Азии: русские западники претендовали на роль авангарда европейской колонизации на Востоке, тогда как народники отвергали петровскую Россию, воплощение которой они видели в "санкт-петербургском государстве". Так, Эммануэль Саркисянц убежден, что между православными русскими крестьянами и коренными уроженцами Азии не было расовой дистанции, разделявшей их. Парадоксальным образом это можно объяснить не только трехсотлетним монгольским игом, но также и геополитической реальностью — постепенностью и континентальным характером русского проникновения в Азию и ее колонизации.

Сложившаяся в итоге этого процесса русская евроазиатская империя сохранила географическое единство двойного континента; здесь не образовалось того пространственного разрыва между аборигенами и русскими поселенцами, какой существовал между западноевропейскими державами и их заморскими колониями⁴³. В 1881 г., когда завоевание Туркестана русской армией было почти завершено, именно Достоевский указал на Среднюю Азию как на будущую Новую Россию, "которая бы и старую возродила и воскресила со временем..."⁴⁴. Это неожиданное выступление русского писателя было серьезным вызовом постоянной навязчивой идее русского общества, поддерживаемой прессой и панславистами, — заботе о судьбе единоверцев, живущих под властью Османской Турции, и мечте о захвате Константинополя. Достоевский предлагал не что иное как переориентацию направления традиционной русской имперской мечты, связанной с решением Восточного вопроса: прочь от Балкан, прочь от коварных европейских держав, которые лишили Россию плодов ее победы в последней войне на Балканах, к новой цивилизаторской миссии в "нашей азиатской России".

Русская идея и революция

Даже нынешний образ Азии, распространенный в среде русской интеллигенции, содержит весьма немного от обязательного марксистско-ленинского идеологического снаряжения. В основном это объясняется весьма весомым наследием великорусского национализма в сочетании с православной христианской традицией — крепкого связующего звена, создающего непрерывность связи с греческой и византийской цивилизациями. Эта традиция покоится не только на видении Москвы как Третьего Рима, но и на завоевании Востока Александром Великим. Сосуществование марксизма-ленинизма и того, что Достоевский и Бердяев называли *русской идеей*, создает весьма своеобразный симбиоз, неизбежно приводящий к искажению первоначальной русской идеи⁴⁵.

И все же не только роль этой специфически русской идеологии важна для понимания того, как Россия стала великой державой Азии; она по-прежнему важна, во всех ее различных нынешних мутациях, как ключевой фактор предвидения будущего советской Азии.

Ряд специалистов делали попытки объяснить необычайную способность русской идеи пережить все радикалистские искажения, которые ей пришлось вынести после первой мировой войны. Тибор Самуэли, собственная жизнь которого была весьма тесно связана с международным коммунизмом, полагает, что в ленинизме русская авторитарная традиция вновь обрела себя после краткого периода революционных аберраций. Духовной связью, скрепляющей эту традицию, была русская идея с ее внутренней тайной, связанной с понятием о вековых страданиях за православную веру, "с убеждением, что только России доверена Божественная миссия возродить остальной мир, поделившись с ним тем, что было явлено лишь ей одной"⁴⁶. Это, конечно, чистая Достоевщина. Более того, предполагается, что русскому народу доверено обладание качествами "народа богоносца", как об этом объявил своему царю монах Филофей в 1510 г.:

"Да будет ведомо тебе, благочестный царь, что все православные христианские земли в царство твое соединятся. Только ты — царь единый для христиан по всей земле... Зри и услышь, о царь, что все царства христианские в твое одно соединятся, что два Рима пали, третий стоит, а четвертому Риму не бывать".⁴⁷

Ленин был убежден, что после победоносной пролетарской революции классовая лояльность сменит лояльность национальную. Он быстро распознал важность национального сознания как орудия подрыва единства царской империи; он последовательно защищал право наций на самоопределение вплоть до его логического завершения — территориального отделения нерусских народов, живущих по границам империи. Но как только его роль переменилась, и из революционного эмигранта, пишущего в относительной безопасности

зажигательные статьи, он превратился в главу исполнительной власти, вершачей судьбы миллионов нерусских граждан, ему пришлось пересмотреть свою риторику. Он оказался перед вопросом, как далеко можно было заходить? Под давлением обстоятельств Ленин сделал ряд далеко идущих уступок сепаратистам, чтобы сохранить советскую власть в центре. Самыми унижительными для него были уступки, сделанные в Брест-Литовске под давлением Германии и ее союзников. После капитуляции Германии в ноябре 1918 г. Ленин мгновенно сменил политику. Для большевиков пришло время затребовать обратно уступленные в марте того же года по мирному договору в Брест-Литовске территории — Финляндию, Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ с 50-60 млн. бывших подданных царя. Для Ленина это был уже не выбор безоговорочной поддержки права наций на самоопределение, а защита "более прогрессивной" пролетарской солидарности, в рамках которой старший русский брат будет диктовать условия предстоящей всеобщей классовой войны⁴⁸. Несмотря на то, что Ленин продолжал ненавидеть великорусский шовинизм⁴⁹, он готов был санкционировать новое завоевание восставших пограничных областей царской империи космополитической интернационалистской Красной армией. Национально-освободительные движения Ленин был готов поддерживать лишь до тех пор, пока они служили делу коммунистической революции.

"Да здравствует свободная Азия!"⁵⁰

Как менялось отношение Ленина к Азии? Вопреки тому, чего можно было ожидать, большевистский вожь не желал копировать германскую стратегию подрывной деятельности, с которой он был близко знаком (и в которой в 1917 г. он сыграл роль важной пешки)⁵¹. Ленин стал сторонником евроазиатской солидарности между рабочим классом Запада и эксплуатируемыми трудящимися Востока вскоре после революции 1905 г.⁵² В 1908 г. он выступил с заявлением, что "у классово соз-

нательного европейского рабочего теперь есть товарищи в Азии, и их число будет стремительно расти"³³. Ленин отстаивал этот тезис в острой, нередко злобной полемике с западноевропейскими товарищами, в особенности с германскими социал-демократами.

Задолго до захвата большевиками власти в Петрограде ленинская антиколониальная политика — часть его революционной стратегии подрыва военных усилий великих держав — включала требования отказа от всех колоний, территориальных захватов и империалистических договоров о будущем разделе сфер влияния. Он не колебался обращать эти требования в первую очередь к велико-россам, призывая их оставить Польшу, балтийские провинции, Украину и Финляндию, вывести войска из Галиции, а также из Армении и Персии³⁴.

Постоянной темой, поддерживавшей ленинские надежды после 1905 г., было видение возникающих одна за другой антиколониальных революций в Азии; казалось, что эта идея подтверждается событиями в Турции, Персии и Китае. Ленин неустанно повторял, что русская большевистская революция призвана повести миллиард азиатов на всеобщее антиколониальное восстание против западного империализма. Когда поход большевиков на Запад потерпел поражение у стен Варшавы и целый ряд коммунистических переворотов в Европе не осуществились, деятели антиколониальной революции, и среди них — некоторые блестящие активисты азиатского происхождения, сумели привлечь Ленина к осуществлению своих собственных планов. Они хотели переориентировать большевистскую революцию с европейского на восточное направление.

После второго конгресса Коминтерна (июль 1920 г.) и съезда народов Востока в Баку (сентябрь того же года) революционная стратегия большевиков переключилась на организацию антиколониальной подрывной деятельности и восстаний в Азии. Новое завоевание Туркестана и Закавказья Красной армией, казалось, предопределило судьбу Средней Азии — быть самой удобной базой для подрывной деятельности в пограничных странах. Эта

деятельность была направлена на Турцию, Персию и Британскую Индию (через Афганистан); последняя стала главной целью большевистской пропаганды — нужно было повысить атакующую силу мировой революции, ударив по самому чувствительному месту в здании британского колониализма.³⁵ Хотя менее чем через три года большевики были вынуждены оставить эту политику в Средней Азии, в Восточной Азии она в какой-то степени продолжалась. Ленин, несмотря на то, что он был перегружен неотложными делами по внутреннему переустройству России и должен был отложить амбициозную программу мировой революции, веры никогда не терял. "В конечном счете, исход борьбы определится тем фактом, что Россия, Индия, Китай и прочие страны составляют подавляющее большинство населения земли,... так что в этом смысле нет ни малейшего сомнения в том, каков будет окончательный исход этой всемирной борьбы. В этом смысле, — заключает Ленин, — полная победа социализма обеспечена полностью и абсолютно"³⁶.

Думается, что Эммануэль Саркисянц, говоря о Бердяеве, очень точно уловил двойственность русского большевизма, напомнив, что специфически ленинский вклад, а именно, включение Азии в европейские схемы классовой борьбы, никогда не был частью марксизма как такового. Большевистский призыв "к трудящимся Востока свергнуть грабителей и поработителей", брошенный вскоре после Октябрьской революции³⁷, можно рассматривать как рецидив русской идеи. Ключевой элемент русского мессианства — понятие о страдании — был включен в западную марксистскую концепцию пролетарской революции. Более того, Коминтерн, верховный исполнительный орган, призванный руководить мировой революцией и воспламенить Восток, получил второе название — Третий Интернационал, звучавшее как реминисценция Третьего Рима — традиционного православного образа Святой Руси.³⁸

Русская идея сегодня

Было бы серьезной ошибкой полагать, что коммунистический вызов привел к исчезновению русской идеи после 1917 г. Вторая мировая война, или, как ее называют русские, Великая Отечественная война — блестящий пример торжества этой идеи над интернационалистским марксизмом. Во всяком случае, это можно сказать о приказе Сталина распустить Коминтерн в 1943 г. К этому следует добавить, что большинство советских солдат среднеазиатского происхождения перешло на сторону врага (факт, который и сегодня скрывают от советских людей)⁵⁹. Само понятие Великая Отечественная война представляет собой смесь территориальной мании величия и напоминаний о коллективных страданиях всей советской семьи народов, руководимой старшим русским братом.

Еще один поразительный пример — китайско-советские пограничные столкновения 1969 г. на реке Уссури, воспринятые большинством русских в расовых терминах. И здесь призрак нового Чингисхана, несущий в себе понятие "желтой опасности", от которой предостерегал Владимир Соловьев, и воскрешенный в антикитайском стихотворении Евтушенко (опубликованном в "Правде"), оказался более весомым, нежели целый склад мертвых ленинских призывов к международной пролетарской солидарности. Такую же реакцию вызвала в народе советская оккупация Афганистана, хотя официальная пропаганда тщетно старалась протолкнуть марксистскую идею индустриального прогресса, который достигается посредством интернациональной помощи отсталой стране в ее борьбе с наступающей волной исламского обскурантизма.⁶⁰

В середине 60-х годов русская идея вновь возникла среди широкого спектра русских националистических подводных течений; ее можно проследить и в подцензурных изданиях (например, в журнале "Молодая гвардия"), и в самиздате (например, в ныне переставшем выходить "Вече")⁶¹. В основе этого явления — ряд причин внутреннего и внешнего свойства. Наиболее резко выде-

ляется серьезный кризис советско-китайских отношений, принесший видение расовой войны — именно такой, какую предсказывали Леонтьев и Соловьев. С этим совпало растущее осознание великороссами и другими славянами коренного и, видимо, необратимого демографического сдвига, происходящего в советской евроазиатской империи: у быстро растущего мусульманского населения рождаемость в 3-4 раза превышает этот показатель у европейских обитателей империи⁶². Несомненно, еще одним фактором было разочарование неудачей русификации и других основных средств (милитаризации, индустриализации, урбанизации) выполнения ленинской мечты об ассимиляции — постепенного слияния национальностей империи в единый советский народ, говорящий по-русски. Как долго смогут еще великороссы осуществлять контроль внутри советской федерации и вне ее (например, в неформальной империи Варшавского договора), эксплуатируя принцип акционерной компании⁶³, где примерно 135 млн. великороссов доминируют над 385 млн., рассеянными по всему евроазиатскому континенту⁶⁴? На этот вопрос сегодня могут дать ответ надежные демографические прогнозы⁶⁵.

В 1961 г. при Хрущеве, в порыве преждевременного оптимизма была принята трехстадийная формула: расцвет — сближение — слияние. Руководство Брежнева-Косыгина в 70-е годы пыталось преобразовать эту политику в менее обязывающую "общность" с РСФСР в качестве оплота и брата-помощника всем прочим республикам Союза. Предполагалось, что все советские народы должны объединиться на идеологической базе, однако о культурной, не говоря уже о биологической (расовой), гомогенизации речь не шла⁶⁶. Но столкнувшись с постоянным давлением в области культуры со стороны меньшинств, Юрий Андропов должен был признать в речи по случаю 60-летия со дня основания СССР, что "национальные различия будут сохраняться дольше, чем классовые различия"⁶⁷. Так была окончательно отвергнута ленинская идея об этническом слиянии.

Ныне конвульсивный возврат к сталинистской поли-

тике великорусского шовинизма кажется еще менее возможным, чем при предшественниках Горбачева. Однако продолжающаяся политика русификации наталкивается на все возрастающие трудности вследствие демографического сдвига и растущего культурного самосознания союзных республик, в особенности в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии. Похоже, Горбачев подчинил национальные проблемы общему походу за экономическую перестройку; в своей книге он высказывается в пользу теории сближения под руководством России⁶⁸. Ему еще предстоит сменить свою систему предпочтений перед лицом армяно-азербайджанских волнений (февраль 1988 г.). Столкновения на национальной почве в Средней Азии — это лишь вопрос времени.

Советские этнографы во главе с Юрием Бромлеем в последние годы уделяли большое внимание вопросу приспособления их теории этноса к новой реальности⁶⁹. Наиболее сильным выражением несогласия, вносящим, впрочем, определенное беспокойство, стал голос Льва Гумилева, который в 1965-1973 гг. опубликовал серию статей по этому вопросу в естественно научных журналах (вероятно, поэтому они избежали внимания цензуры). В них была опубликована его эзотерическая "биогеографическая концепция этнической истории", имеющая определенное отношение к нашей дискуссии о судьбе русской идеи сегодня. Гумилев бросает вызов официальному толкованию проблемы. Этнос, согласно его пониманию, не исторический или социальный, а биологический феномен, который может быть дифференцирован по уровню "внутренней страстности" ("пассионарности"). Только это качество разделяет этносы на "суперэтносы" и "субэтносы", а это деление не имеет ничего общего с тем, является ли нация более или менее социалистической. "Пассионарность" направлена вовне "биохимической" среды, в пределах которой Гумилев изучает "этногенез". Своеобразная теория Гумилева отличается поразительным сходством с расовыми доктринами национал-социализма. Гумилев поддерживает идеи расовой сегрегации и евгенические

законы, запрещающие межэтнические (экзогамные) браки, в особенности между представителями славяно-православного и тюркско-мусульманского "суперэтносов", ибо они могут привести к культурным, политическим и генетическим "деформациям"⁷⁰. Уж не предлагает ли Гумилев, чтобы в СССР была принята политика апартеида по анахроническому и осужденному во всем мире примеру ЮАР? Несмотря на обрушившуюся на него резкую официальную критику⁷¹, Гумилев продолжает распространять свои искусительные идеи в Ленинградском университете и за его пределами. Русские диссиденты-националисты, обычно быстро реагирующие на всякого рода предупреждения о "желтой опасности", втянулись в весьма эмоциональные споры на страницах "Вече", горя о драматическом падении рождаемости у русских и обсуждая полную противоречий тему межэтнических браков⁷².

Зная об авторитарной системе контроля над средствами информации, можно лишь удивляться, как Гумилев проскочил через все препоны. Удивление вызывает и внезапный взрыв традиционного национализма — от настоящего великорусского шовинизма с его неизбежными расистскими и антисемитскими обертонами до христианского диссидентства с богатой палитрой мнений. Но был ли он внезапным? На самом деле, корни национал-большевизма, одного из главных течений, уходят в первые послереволюционные годы. Его основал в 1921 г. Николай Устрялов (1891-1938 гг.), талантливый журналист, который после революции бежал из Москвы в крупнейший русский колониальный центр за пределами империи — Харбин (Маньчжурия). В годы первой мировой войны он поддерживал экспансионистский царский империализм, а позже стал поддерживать Октябрьскую революцию. В многочисленных статьях Устрялов нападал на интернационалистскую стратегию большевиков, желая заменить ее возрожденным национализмом. Он нейтрально относился к православной религии, был умеренным антисемитом и выступал за Российскую империю, управляемую эффективной диктатурой. Постепенно под

влиянием Устрялова национал-большевизм превратился в идеологию фашистского типа, исповедующую культ "крепкого человека", юной героической витальности, и при этом, парадоксальным образом (подобно итальянскому фашизму и германскому национал-социализму) испытывающую сантименты в отношении защиты окружающей среды и сохранения традиций⁷³. Если Устрялов после 1917 г. не одобрял русского экспансионизма, то Исая Альтшуллер-Лежнев (1891-1955 гг.) — национал-большевик, живший в Советском Союзе, отстаивал экспорт революции в соответствии с созданной им моделью "туркестанского социализма", которую он противопоставлял классическому марксистскому "базельскому социализму". Лежневский экспансионизм тоже носил мессианский характер: он доказывал, что "русский империализм" («от моря до моря»), русское мессианство («с Востока свет») и русский большевизм («в мировом масштабе»), — явления одного порядка⁷⁴. Хотя в свое время у национал-большевизма не было массовой базы, все это сделало его идеальной идеологией, в какой-то день ставшей весьма привлекательной для офицерской касты Красной армии⁷⁵.

Еще одно течение, возникшее позже национал-большевизма, — это некое сочетание русского национализма с религиозной православной традицией, по сути — антисоветской. Странников различных ответвлений этого течения называют по-разному — "возрожденцы"⁷⁶, неославянофилы⁷⁷ или, менее хвалебно, — "крайние"⁷⁸. Среди сторонников этого течения — большое разнообразие лиц: здесь и Александр Солженицын⁷⁹, ставший самым известным из современных русских писателей еще до изгнания, математик Игорь Шафаревич⁸⁰ и один из редакторов "Вече" Владимир Осипов⁸¹. Сюда можно также отнести и умеренных диссидентов — вполне благополучных писателей-"деревенщиков" Василия Белова и Валентина Распутина и весьма популярного художника-националиста Илью Глазунова⁸².

В связи с основной темой настоящей работы следует коснуться противоречивой проблемы, в отношении ко-

торой среди "возрожденцев", представляющих сегодня русскую идею, имеются большие разногласия. Это проблема многонационального характера советской евроазиатской империи. Большинство "возрожденцев" хотело бы тем или иным образом демонтировать империю, однако они расходятся по вопросу о путях достижения соглашения с национальными меньшинствами в рамках будущей евроазиатской федерации. Похоже, большинство русских националистов соглашались с тем, что все народы нынешней федерации должны иметь полную свободу в области культуры и религии, а ошибки сталинского прошлого должны быть исправлены — во всяком случае, крымским татарам и туркам-месхетинцам следует позволить вернуться на родину, а немцам, евреям и полякам — выехать за границу. Сколько из них поддержат эвакуацию русских мигрантов с пограничных территорий — это остается под вопросом. Еще меньше согласия существует по проблеме будущих границ русской федерации, т.е. о том, будет ли позволено отделиться республикам Прибалтики, Кавказа и Средней Азии.⁸³

Китайский синдром как в форме демографического давления, так и в виде угрозы войны (которая считалась неизбежной) заставил Солженицына осенью 1973 г. написать две знаменитых работы — "Раскаяние и самоограничение"⁸⁴ и "Письмо вождям Советского Союза"⁸⁵. Писатель предлагал, чтобы в величественном жесте самоограничения Россия не только вывела и демобилизовала свою армию, оставив лишь силы защиты ("но лишь подлинно — защиты"), но и в принципе отказалась от внешней экспансии и сосредоточила свою энергию на развитии евроазиатского Северо-Востока — огромных, но пустынных пространств вечной мерзлоты вдоль побережья Арктики. В стиле, напоминающем эссе Достоевского об Азии и отзывающемся культом почвы и русской крестьянской колонизации пустынных земель Азии (к которому еще на переломе века призывали Сергей Южаков и Николай Федоров)⁸⁶, Солженицын призывал русских собратьев возобновить мирную экс-

пансию великой новгородской республики, раздавленной московскими завоевателями:

"Наш океан Ледовитый, а не Индийский, мы — не Средиземное море, не Африка, и делать нам там нечего! Наших рук, наших жертв, нашего усердия, нашей любви ждут эти неохватные пространства, безрассудно покинутые на четыре века в бесплодном прозябании. Но лишь два-три десятилетия еще, может быть, оставлены нам для этой работы: иначе близкий взрыв мирового населения отнимет эти пространства у нас".⁸⁷

В 1980 г., когда Россия праздновала шестисотлетие победы над татарами в Куликовской битве, некоторые авторы (среди них оказался и Лев Гумилев) возобновили спор о противоречии между Европой и Азией, дав новый толчок дискуссии о русской идее в средствах массовой информации. Федор Нестеров, посредственный писатель, работавший в университете имени Лумумбы, готовившем кадры для революционных движений в "третьем мире", опубликовал книгу крайне антизападного толка. В основном он повторяет старые мессианские идеи славянофилов: Россию отделяет от Запада непреодолимая пропасть; особые качества русского национального характера складывались веками борьбы с внешними врагами; отсюда — идея полного подчинения личности государству. В истинно славянофильском духе Нестеров доказывает, что управление Россией было узурпировано немецкими авантюристами. Русская экспансия, по Нестерову, вконец отлична от европейской колонизации, ибо русские никогда не трактовали другие народы как низшие расы, но лишь как равных⁸⁸. В 1981 г. крайний русский националист Вадим Кожинов сформулировал самый проазиатский лозунг, с русской точки зрения. Но и он разгневал некоторых критиков, отвергнув идею связи между русским православием и европейским христианством и отстаивая идею русско-азиатского союза, направленного против Запада; его критики отстаивали противоположные идеи⁸⁹.

ИСТОРИКИ И ГЕОГРАФЫ

Историки о русской цивилизаторской миссии в Азии

Чтобы проследить основные идеологические истоки русского "стремления на Восток", в степи и горы Азии, необходимо особо рассмотреть популярную патристическую русскую историографию, последовательно представлявшую русскую территориальную экспансию (подобно "манифесту явленной судьбы").

Михаил Погодин (1800-1875 гг.), видный профессор истории Московского университета, стал страстным панславистом, проповедовавшим превосходство русской арийской расы (колена Яфета), которой судьбой назначено управлять Азией. Его расовый империализм был сильнее его русского патриотизма. Он приветствовал победу Еврангличан при подавлении восстания сипаев в Индии, хотя после Крымской войны среди русского населения были сильны антибританские настроения. Взгляды Погодина на преимущества империализма были непоколебимы. Он был убежден, что "...невозможно воспитать Азию и Африку, иначе как снарядив армию со всей Европы и послав ее в крестовый поход против них...Пусть европейцы...установят там порядок вещей. От этого зависит счастье человечества"⁹⁰. Хотя Азия заботила Погодина меньше, чем Европа, он высказывался об Азии достаточно, чтобы мощное течение русской империалистической идеологии стало очевидным. Хотя страна потерпела поражение и находилась в изоляции после Крымской войны, Погодин призывал соотечественников переориентировать экспансионистское движение на восток и обратить внимание на Азию, "которую мы почти совершенно упустили из виду; а между тем именно Азия прежде всего предназначена для нас. Именно в Азию наши враги...не из добрых намерений, хотят вытеснить нас: что бы сделали англичане, будь у нас территориальные и иные связи с Азией!... Пусть европейские народы живут, как им лучше,... А нам,

вдобавок ко всему, будут принадлежать половина Азии, Китай, Япония, Тибет, Бухара, Хива, Коканд, Персия, — если мы захотим, а может быть, и будем должны распространить европейский элемент на Азию. чтобы Иафет мог возвыситься над своими братьями".⁹¹

Сергей Соловьев (1820-1879 гг.), известный историк, автор 29-томной истории России и многочисленных учебников для школ и университетов⁹², выделял три основных фактора территориальной экспансии России: 1) географию как основную детерминанту исторической экспансии России и ее продвижения в Азию; 2) естественные границы, которые, по Соловьеву, сделали Россию государством с характерной "органической конфигурацией"; поэтому она, вследствие отсутствия горных преград, должна распространиться по всей евроазиатской степи⁹³; 3) русскую колонизацию на Востоке как важный фактор распространения европейской цивилизации среди азиатских варваров; в итоге это облегчает их ассимиляцию великороссами⁹⁴.

Для Василия Ключевского (1841-1911 гг.) история России — это история процесса колонизации и ассимиляции. Для Ключевского колонизация — общий знаменатель, центральная тема в его понимании национальной истории, доминантная аксиома в выполнении Россией ее цивилизаторской миссии в степях Евразии, на берегах Волги, на Кавказе и в Туркестане. Естественные географические границы представлялись ему менее важными, нежели постоянно перемещающаяся этнографическая граница, определяемая присутствием казаков и русских поселенцев⁹⁵. Формирование великорусской нации, по мнению Ключевского, было результатом смешения с другими "племенами" посредством военных завоеваний и колонизации, дополняемых русификацией.

Великий либеральный историк и политик П.Н.Милюков (1859-1943 гг.) также рассматривал процесс колонизации как слияние различных этнических групп, находящихся на различных стадиях русификации, в единую великорусскую нацию, которая стала политической и культурной общностью⁹⁶.

Таково было наследие ведущих русских историков империалистической эпохи. И консерваторы, и либералы — все они помогали формировать согласие не только относительно процесса непрерывной экспансии, но и в отношении агрессивной политики русификации на западном пограничьи России после 1880 г. Однако в отношении расового сосуществования преобладала идея ассимиляции — не сегрегации. Если нерусские становились православными, они не считались низшей расой. Политика России в отношении ее мусульманских подданных не была однородной. В отношении татар и казахов преобладала политика медленной ассимиляции, в Туркестане соблюдалось строгое невмешательство в местные религиозные и судебные дела⁹⁷. В Средней Азии русские делали сознательные усилия, чтобы предстать перед миром носителями высшей европейской цивилизации, ибо они знали, что мир смотрит на них как на соперников британской политике на Индийском субконтиненте.

Ведущий большевистский историк, друг Ленина М.Н.Покровский (1868-1932 гг.) считал, что Российская империя была построена только на агрессии и безграничной экспансии; он не мог найти ни одного "добровольного присоединения", даже в случае Грузии. Хотя сам Покровский был великороссом, к "русской цивилизаторской миссии" он относился с насмешкой и пренебрежением. В своих работах он подчинял исторические факторы высшему критерию — классовой борьбе. Он отвергал идею (впоследствии культивировавшуюся "антипокровской" школой советских историков), что царский колониализм принес прогресс народам Кавказа и Средней Азии и что эти нерусские народы предпочли русских другим завоевателям (например туркам, персам и англичанам)⁹⁸.

В 1929 г. историк В. Карпич, проводя параллель между русской колонизаторской миссией и положительной оценкой британского империализма в Индии Марксом, отверг главный тезис Покровского, что царская колониальная политика в Средней Азии была лишь жест-

токой трагедией. Аргументы Карпича были первыми по времени и еще робкими предвестниками позднейших советских теорий "прогресса" и "меньшего зла". Сталинистские оппоненты Покровского утверждали, что царистская аннексия пограничных территорий привела к их социальному и экономическому развитию, которое еще больше углубилось при советской власти⁹⁹. Взгляды Карпича оспаривал в 1934 г. другой историк Средней Азии, приверженец школы Покровского Е.Л. Штейнберг. Видимо, он был способен более умело цитировать "основоположников":

"Маркс, как и Энгельс, всегда подчеркивали характеристику русской колониальной экспансии как движения реакционного, азиатского и полусредневекового...Поэтому невозможно сравнивать британскую политику в Индии — политику, проводившуюся молодым государством капиталистической мануфактуры, и русскую агрессию в Азии, исходящую от варварской, полуазиатской, феодальной, жандармской империи"¹⁰⁰.

Географы: авангард России в Средней Азии

Другой сильный интеллектуальный импульс экспансии в Азию был дан Русским географическим обществом, основанным в Санкт-Петербурге в 1845 г. Талантливые люди, принадлежавшие к обществу и возглавляемые группой инициативных военных географов, вели в Средней Азии "большую игру" со своими британскими партнерами¹⁰¹. Интересное явление в процессе русских географических исследований и военном завоевании Азии — необычайно большое число немцев, в большинстве своем — из Прибалтики и вдохновлявших множество экспедиций и руководивших ими. Здесь необходимо упомянуть таких признанных специалистов и ученых, пользовавшихся международной известностью, как Карл Бауэр, П. Хельмерсон, Р. Маак, П.Кеппен, Г.И.Радде, Л.Е.Шварц, В.Струве, Ф.П.Врангель и, конечно, основатель и вице-президент Общества адмирал Ф.Ф. Литке¹⁰². Хотя немецкое присутствие с самого начала

вызывало недовольство группы многообещающих молодых русских (среди которых были видные будущие путешественники и исследователи В.В.Григорьев, Н.Н.Муравьев, Г.И.Невельской, П.П.Семенов), их влияние оставалось весьма значительным все эти годы.

Взаимообогащение русского опыта и традиций с немецкой ученостью и пытливостью дало необычайные плоды; объяснялось это также и тем, что дело происходило далеко от Балтики, Восточной Европы и Балкан, где немецкое *Drang nach Osten* сталкивалось с интересами России, имевшими противоположное направление. К востоку от Урала, в далекой Азии немецкие устремления шли рука об руку с русским "стремлением на Восток". Кайзер Вильгельм II, который отстаивал объединение тевтонцев против славян в Восточной Европе, нередко писал своему "дражайшему Ники" полные энтузиазма письма, поощряя высочайшего кузена к продолжению колониальной экспансии в Средней Азии и на Дальнем Востоке:

"Конечно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить спокойствие в Европе и защитить тыл России так, чтобы никто не мог вмешаться в твои действия, направленные на Дальний Восток. И это потому, что именно здесь находится цель великого будущего России: обратить свое внимание на азиатский континент и оградить Европу от нападений желтой расы"¹⁰³.

Географы разделяли с историками идею мессианской миссии России на Востоке. Ориенталист В.В.Григорьев риторически спрашивал в 1840 г.: "Кто ближе нас к Азии?... Какая из европейских рас сохранила в себе больше азиатского элемента, чем славяне, которые последними оставили свои исконные земли?". Он доказывал, что Провидение сохранило азиатское население незатронутым иностранным влиянием именно для того, чтобы задача колонизации его в "девственном" состоянии выпала на долю русских¹⁰⁴. Один из наиболее известных членов Общества и его второй вице-президент (1873-1914 гг.) П.П.Семенов (1827-1914 гг.) думал точно так же. Он учился в Берлине у великого географа Карла Риттера

и позднее способствовал изданию русского перевода его книги "География Азии"; в дальнейшем Семенов стал известен собственными исследованиями в Азии (царь прибавил к его фамилии титул "Тянь-Шаньский", по названию горного хребта в Средней Азии). В 1855 г. Семенов опубликовал в журнале Общества программное высказывание о цивилизаторской миссии России в Азии:

"Избранная Богом в посредники между Востоком и Западом, получив христианство в столице Восточной империи (то есть, в Константинополе), проведя свое отрочество как европейский заложник азиатских племен, выковавшаяся волею гения (то есть, Петра Великого) в центре европейского развития, она имеет одинаковые подобию и в Европе, и в Азии и равно принадлежит к обеим частям света"¹⁰⁵.

Полковник Венюков

Двадцатью годами позже, когда русские войска уже завоевали Западный Туркестан, младший коллега Семенова, военный географ и известный путешественник полковник Михаил Венюков (1832-1901 гг.) опубликовал работу "Поступательное движение России в Средней Азии". Эта важная статья — собрание весьма хитроумных и поданных весьма красноречиво доказательств в пользу русской колонизации Средней Азии, базирующихся на доводах из области культуры, религии, экономики, политики и расовой теории. Статью вполне можно рассматривать как русский вариант "явленной судьбы" для Азии. Доводы расового (на языке Венюкова, — "этнологического") характера были составлены так, чтобы "выиграть по очкам" у британцев в Индии. Венюков говорит, в частности, о законности стремлений России "вернуть славян в соседство их доисторического дома,...к колыбели арийской или индоевропейской расы,...к истокам Инда и Аму-Дарьи", откуда "наши предки" были вытеснены тюрко-монгольскими завоевателями. Более того, несмотря на глубокие культурные различия между русскими и мусуль-

манами Средней Азии, Венюков выражает веру в возможность некоего расового слияния. Смешанные браки между двумя народами сохранят лучшие качества арийской и туранской рас путем направленного скрещивания (того, что сегодня назвали бы социальной евгеникой). Приводя пример терских казаков, которые издавна женятся на дочерях кавказских горцев, Венюков выражает уверенность, что русская форма колонизации выше британской в Индии:

"Мы не англичане, которые делают в Индии все возможное, чтобы избежать смешения с аборигенами, и которые рано или поздно заплатят за это потерей страны, где у них нет никаких расовых связей. Напротив, наша сила в том, что до сих пор мы ассимилировали покоренные племена, охотно смешиваясь с ними. Желательно, чтобы эти исторические результаты не были забыты и в дальнейшем, с нашим приходом к истокам Аму-Дарьи, где нам надлежит создать полностью русскую пограничную страну как единственного гаранта устойчивости нашей позиции в Туркестане"¹⁰⁶.

Пуп земли

Что вызвало переориентацию русской экспансии в среднеазиатском направлении? Вероятно, это объясняется обстоятельствами, сложившимися в ходе Крымской войны (1853-1856 гг.). Поражение в войне и последовавшие за ним политические неудачи России в Европе способствовали тому, что ей пришлось отложить свои агрессивные планы против Османской империи. Подавление польского восстания 1863 г., которое привело к еще большему отчуждению России от Запада, совпало с завершением завоевания Кавказа. После капитуляции легендарного имама Шамиля двухсоттысячную Кавказскую армию с ее честолюбивым офицерским корпусом стало возможным использовать для иной цивилизаторской миссии — на другом берегу Каспийского моря¹⁰⁷. При отсутствии ясной экономической мотивации (в 1880 г. доля импорта из Азии во всем импорте России сос-

тавляла лишь 5%, а экспорта в Азию — 3%)¹⁰⁸, важнейшую роль здесь играл такой не поддающийся количественному измерению фактор как дух "реконквисты" у русских военных, жаждавших нанести поражение наследникам Великой татарской орды¹⁰⁹.

Восстановление национального престижа России стало главным в системе предпочтений. При новом царе Александре Втором (1855-1881 гг.) Россия проделала серию внутренних реформ и осуществила переориентацию внешней политики в направлении Азии, прежде всего — Средней Азии. Архитектором этой политики был новый способный министр иностранных дел (1856-1883 гг.) князь А.М. Горчаков. В своей первой докладной записке царю, поданной в 1856 г., он доказывал, что Россия должна отойти от игры в Европе и расширить свою экспансию ради своих национальных интересов в Азии, даже ценой прямого противостояния главному противнику — Британской империи¹¹⁰.

Военные соображения оказались решающими в вопросах, касающихся Средней Азии. Русская армия использовала все преимущества недостаточно определенных "подвижных границ", слабо прикрытых казаками в среднеазиатской степи¹¹¹. Новые возможности открылись здесь перед авантюристами-наместниками, которые пытались счастья, постоянно отодвигая неопределенные пограничные линии, подчас — в нарушение инструкций из Санкт-Петербурга. Так создалась обстановка для классической "большой игры" на границах империи.

Подобно англичанам, продвигавшимся от своего укрепленного центра в Индии в северо-восточном направлении, русские оказались вовлеченными в тот же заколдованный круг, который князь Горчаков определил в своем часто цитируемом циркуляре (ноябрь 1864 г.) как необходимость идти "от завоевания к завоеванию... не зная, где остановиться"¹¹². Горчаков разумно настаивал, чтобы Россия в интересах развития торговли и установления закона и порядка среди диких племен Средней Азии не делала ничего лишнего, а лишь следовала примеру США в Америке, Великобритании — в

Индии и Франции — в Африке. Странно, что он не использовал гораздо более убедительный довод в пользу русского империализма — что его экспансия идет через земли, прилегающие к отечеству. Россия не должна была пересекать океаны для завоевания дальних островов и континентов и не должна была угрожать европейским метрополиям. Вслед за военными пограничными частями потянулись тысячи безземельных русских и украинских крестьян. Освободившись в 1861 г. от крепостного права, они продвигали свои поселения все дальше в глубь Сибири и Средней Азии. Именно князь Горчаков и его британский коллега лорд Кларендон, не сговариваясь, создали общую легенду о непослушании военных, обвиняя офицеров-авантюристов — и русских, и британских — в пренебрежении к указаниям правительств и чрезмерном увлечении "большой игрой"¹¹³.

Все же решающим фактором русской экспансии в южном направлении было желание бросить вызов Британской империи через сопредельные территории ради стратегической диверсии и подрыва ее устоев, а также ради престижа. Россия желала выглядеть равным партнером в выполнении "цивилизаторской миссии христианства" в землях, считающихся еще менее развитыми, чем она сама. Это повышало уровень самооценки завоевателей и помогало им забыть отсталость матушки-России¹¹⁴.

В этой гонке на юг, конечная граница которой никогда не была определена, имелся сильный элемент фатализма. Была ли этой границе и Аму-Дарья, Памир ("крыша мира"), Гиндукуш или Инд? Или же это были манящие дали Персидского залива, упомянутые в апокрифическом завещании Петра Великого? Быстро, один за другим, были взяты великие города Туркестана — Чимкент, Ташкент, Ходжент, Самарканд. "Ташкент взят генералом Черняевым, — отмечает в своем дневнике в июле 1865 г. министр внутренних дел граф П.А.Валуев. — Никто не знает, почему и для чего... Есть нечто эротическое во всем, что у нас делается на отдаленной периферии империи"¹¹⁵.

И в самом деле, это движение на юго-восток, к воображаемому центру Евразии, имело чуть ли не мистическую привлекательность для русских, как это видно на примере Венюкова. Была широко распространена вера, что где-то между великими цивилизациями Китая и Индии, среди высочайших гор мира, куда после Марко Поло добирались лишь немногие европейцы, лежит древний центр арийской космографии, "сверкающая гора, сердцевина Вселенной, пуп земли, ...азиатский Олимп космических пропорций"¹¹⁶. Многие верили, что со склонов этой таинственной горы, называемой Кайлас, берут начало четыре великих азиатских реки, которые, "как полагают, качают колыбель нашей расы" (как писал лорд Керзон в 1898 г.)¹¹⁷. Владеющий истоками этих вод однажды станет попечителем святынь, относящихся к "первому Адаму" нашей планеты, родоначальнику арийской расы. Неслучайно поэтому, что русский царь, уже поучивший доверенность на наследование Второму Риму (т.е. Константинополю, столице Византийской империи) и на охрану гробницы Христа ("второго Адама") в церкви Гроба Господня в Иерусалиме, добавил к своим многочисленным титулам звание правителя Памирского¹¹⁸.

Не только русских и англичан притягивал этот мощный магнит в центре Евразии. За века до того такое же искушение испытал Александр Великий, а незадолго до описываемых событий — Наполеон. Нужен был романтический германский ум (подобный уму Свена Гедина, получивший тщательную подготовку в рамках современной науки, чтобы отправиться в странствие к этим далеким местам, к которым непрестанно стремился ницшеанский и вагнерианский сверхчеловек.¹¹⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф.М.Достоевский. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?. Статья написана после кровавой бани, учиненной туркменам генералом Скобелевым в 1881 г. Полное собрание сочинений в 30 томах, Л., 1984, т. 27, стр. 32-40.

² М.С.Горбачев. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 1987, стр. 187.

³ Можно приветствовать актуализацию работы Emanuel Sarkisyanz. *Geschichte der orientalischen Völker Russland bis 1917*. München, R. Oldenburg Verlag, 1961. Ожидает перевода на западные языки Zeki Validi Togan. *Bügünki Türkili (Türkistan) ve Yakin Tarighi* ("Новая и новейшая история Туркестана и Туркестан сегодня"), Istanbul, 1947. Многочисленные монографии Баймирзы Хайита (Baymirza Hayit) доступны лишь на немецком языке, например, *Turkestan und der Orient*. Düsseldorf, 1960; "Sovjetrussische Orientpolitik am Beispiel Turkestans", Köln-Berlin, 1962; "Turkestan im Herzen Euroasiens", Köln, 1980.

Широко восхвалявшаяся работа Edward W. Said. *Orientalism*. New York, Pantheon Books, 1978 на наш взгляд совершенно неудовлетворительна, ибо она ограничена и географически (Восточным Средиземноморьем и Северной Африкой), и в отношении источников (английскими и французскими источниками и школами). Саид весьма поверхностно рассматривает выдающиеся труды немецких ученых в этой области, а достижения русских востоковедов полностью игнорирует.

В виде исключения здесь следует упомянуть труд В.В. Бартольда (1869-1930 гг.). Б. Никитин, французский переводчик его работы "История изучения Востока в Европе и России", отмечает, что великий русский востоковед представляет русскую историографию "скорее так, как она видится с Востока, нежели с Запада, в противоположность тому, что делалось до него" (V. Barthold. *La Decouverte de l'Asie. Histoire de l'Orientalisme*

en Europe et en Russie. Paris. Payot, 1947, p.12. Бартольд тщательно избегает европоцентризма, ибо он считает европейскую историю преходящим явлением. В письме П.Н.Савицкому, известному географу, участнику евразийского движения, Бартольд доказывает, что русское отношение к Востоку, русская географическая наука и вообще все востоковедение, несмотря на большое влияние на них западных ученых, шли особым путем, и в качестве научных дисциплин должны рассматриваться отдельно от западноевропейских (ibid, pp 10-11).

⁴ Можно доказывать, что Восток органично вплетается в русскую историю и во многом определил ее ход (например, монгольское нашествие), но русская элита с пренебрежением относилась к миру ислама, рассматривая его примерно так, как древние греки видели Восток, — с оттенком презрения. Отсюда термин "азиатчина", ассоциирующийся с понятием восточного деспотизма Московии, которое имело своим происхождением период монгольского ига.

⁵ Например, Wolfgang J. Mommsen. Theories of Imperialism. New York, Random House, 1980; Tony Smith. The Pattern of Imperialism. Cambridge University Press, 1981.

⁶ Приписывается журналисту Джону Л. О'Сюлливану (1845). См. Frederick Merk. Manifest Destiny and Mission in American History: A Reinterpretation. New York, Vintage Book, 1963.

⁷ См. источники в примечании 1.

⁸ Heinz Gollwitzer. Die Gelbe Gefahr. Geschichte eines Schlagworts. Studien zum imperialistischen Denken. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1962, s. 94.

⁹ Hugh Seton-Watson. The New Imperialism. London, Bodley Head, 1961, pp. 22-23.

¹⁰ Geoffrey Wheeler. The Modern History of Soviet Central Asia.

London, Weidenfeld & Nicholson, 1964; Olaf Caroe. Soviet Empire. The Turks of Central Asia and Stalinism. New York, St. Martin Press, 1967, p. 11.

¹¹ Однозначные заявления Ленина, в которых признается право на самоопределение для всех нерусских подданных страны, начались еще до первой мировой войны. Эти заявления содержатся в различных его статьях, включая критическую работу "О национальной гордости великороссов" (1914 г.), в долго не публиковавшемся очерке "О праве наций на самоопределение" (1914 г.), а также в текстах двух деклараций, опубликованных сразу же после октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде ("Декларации прав народов России" и "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока"). См. сборник "Ленин о дружбе с народами Востока", Политиздат, 1961.

¹² Отчет Халфорда Макиндера о положении на Юге России: "Documents on British Foreign Policy 1919-1939. 1-st Series/III", London, HMSO, 1949, pp. 768-787.

¹³ Dietrich Geyer. Modern Imperialism? The Tsarist and the Soviet Examples. — In: "Imperialism and After. Continuities and Discontinuities". ed. W.J.Mommsen and J. Osterhammel, London, Allen & Unwin, 1986, pp. 49-62.

¹⁴ Ibidem, p. 51.

¹⁵ Ibidem, p. 53.

¹⁶ Leslie Dienes. Central Asia and the Soviet "Midland". Regional Position and Economic Integration. — In: "Afghanistan and the Soviet Union: Collision and Transformation", ed. Milan Hauner and Robert Canfield, Boulder, Westview, 1989, pp. 61-100. См. также отличную монографию Leslie Dienes. Soviet Asia: Economic Development and National Policy Choices. Boulder, Westview, 1987.

¹⁷ Саул Коэн различает "геополитические регионы" и "геостратегические пространства"; последние есть нечто

вроде "более широких идеологических и военно-стратегических организационных рамок". См. Saul B. Cohen. *Geography and Politics in a World Divided*. OUP, 1963.

18 John Erickson. *The Soviet Strategic Emplacement in Asia*. "Asian Affairs", XII/2, February 1981, pp. 5-18; Michael McGwire. *Military Objectives in Soviet Foreign Policy*. Washington, The Brookings Institution, 1987; Ibidem, "Update Soviet Military Objectives" — "World Policy Journal", Fall 1987, pp. 723-731.

19 Mikhail Bernstam. "The Demography of Soviet Ethnic Groups in World Perspective" — In: "The Last Empire: Nationality and the Soviet Future", ed. Robert Conquest, Stanford, Hoover Institution Press, 1988, p.320.

20 Paul Kennedy. *The Rise and Fall of the Great Powers*. New York, Random House, 1987, pp. 488-514.

21 М.С.Горбачев. Указ. соч.

22 Leslie Dienes. *Economic and Strategic Position of the Soviet Far East*. — "Soviet Economy", 1/2, 1985, pp.146-176; Ibidem. — "Current Military Deployment and Strategic Prospects under Gorbachev". — In: "The Soviet Far East: Development and Prospect", ed. A. Rodgers, London, Croom Helm, 1988, pp.29-47. Вряд ли можно представить более беспокойную демографическую ситуацию, нежели в радиусе 2500 км от Владивостока: здесь примерно 12 млн советских граждан противостоят миллиарду азиатов, среди которых — две трети жителей Китая, а также население Тайваня, двух корейских государств и Японии.

23 М.С.Горбачев. Указ. соч., стр. 202.

24 Там же, стр. 202.

25 Там же, стр. 207.

26 Русский текст владивостокской речи от 28 июля 1986 г. приводится по изданию: М.С. Горбачев. *Избранные статьи и речи*. М., т. 4, Политиздат, 1987, стр. 9-35.

27 Ровно через год после владивостокской речи Горбачев отвечал на вопросы редактора индонезийской газеты "Мердека" по ряду вопросов его новой азиатско-тихоокеанской стратегии (см. "Перестройка...", стр. 189). См. также: Richard N. Haas. *The "Europeization" of Moscow's Asia Policy*. — "SAIS Review", 7/2, Summer-Fall 1987, pp. 127-141.

28 Сообщение Мартина Уокера из Москвы для "Guardian". Перепечатано в "The Manchester Guardian Weekly", February 14, 1988.

29 Хотя в русской литературе и в фольклоре Волга описывается как великая русская река, столь же справедливо можно утверждать, что вплоть до конца XIX века Волга, известная под своим татарским названием Итиль, оставалась в демографическом отношении татарской (т.н. тюркской) рекой (см. Seton-Watson. *Op.cit.* p.12).

30 Winston S. Churchill. *The Second World War*. London, Cassell, 1948, pp. 1-353.

31 См. примечание 26.

32 М.С.Горбачев. *Избранные статьи и речи*. М., т.4, Политиздат, 1987, стр. 9-35. Во время остановки в Ташкенте на пути в Индию в ноябре 1986 г. никаких подобных геополитических заявлений о значении Средней Азии для Москвы Горбачев не сделал. Вместо этого он осудил коррупцию и попытки возрождения ислама ("Time", January 12, 1987). Однако, будучи в Дели, он не жалел геополитических призывов относительно "Великой Индии" и весьма заботился о том, чтобы указать на Индию как на преобладающую силу в регионе Индийского океана в рамках предложенной им общей системы безопасности — что он пренебрег подчеркнуть несколькими месяцами ранее во Владивостоке, как бы копируя этим "американскую политику игнорирования Азии по ту сторону Иравади". См. Thomas Thornton. *Gorbachev's Courtship of India*. — "The Round Table", 304, 1987, p. 460.

33 Violet Connolly. *Beyond the Urals. Economic Developments in Soviet Asia.* London and New York, Oxford University Press, 1967, pp. 11-12.

34 Nicholas V. Riasanovsky. *Asia Through Russian Eyes.* — In: Wayne S. Vucinich (ed.). *Russia and Asia,* Stanford, Hoover, 1972, p.5. См. также George Vernadsky. *The Mongols and Russia.* New Haven, Yale, 1953.

35 Ibidem, см. также Richard N. Frye. *Oriental Studies in Russia.* — In: Wayne S. Vucinich, *Op.cit.*, pp. 34-36.

36 Nicholas V. Riasanovsky. *Russia and Asia: Two Nineteenth-Century Russian Views.* — “California Slavic Studies”, 1 (1960), pp. 170-181; Ibidem, “Asia through Russian Eyes”, pp. 11-13.

37 Ibidem; Emmanuel Sarkisyanz. *Russian Conquest in Central Asia: Transformation and Acculturation.* — In: Wayne S. Vucinich. *Op.cit.*, pp. 248-286.

38 Ф.И.Тютчев. *Сочинения.* СПб, изд. Тренке и Фьюсно, стр. 141; К.В.Пигарев. *Ф.И.Тютчев и его время.* М., “Современник”, 1978, стр. 137-138.

39 К.Н.Леонтьев. *Племенная политика как орудие всемирной революции.* — В: “Восток, Россия и славянство”, *Очерки 1885-1889,* опубликованные в: К.Н.Леонтьев. *Собрание сочинений,* т.6, М., изд. В. Саблина, стр. 145-193.

40 О взглядах К. Маркса на Индию, Китай и Россию в связи с “азиатским способом производства” см.: “Karl Marx Über China und Indien”. — “Unter dem Banner des Marxismus”, В.1 (1927), s. 379-383; Karl A. Wittfogel. *Oriental Despotism.* New York, Vintage Book, 1981, pp. XXI-LIV; В.Н.Никифоров. *Восток и всемирная история.* М., Изд-во “Наука”, 1975.

41 Emmanuel Sarkisyanz. *Russland und der Messianismus des Orients,* Tubingen, J.C.B. Mohr, 1955, s. 154-167.

42 Н.Я.Данилевский. *Россия и Европа.* СПб., изд-во Пантеле-евых, 1869.

43 Emmanuel Sarkisyanz. *Russian Conquest.* *Op.cit.*: Owen Lattimore. *Studies in Frontier History 1928/1958.* London, OUP, 1962.

44 См. примечание.

45 Н.А.Бердяев. *Русская идея.* Париж, YMCA-Press, 1946; его же, *Истоки и смысл русского коммунизма;* 1955.

46 Tibor Szamueli. *The Russian Tradition.* London, Secker and Warburg, 1974, p. 69.

47 Ibidem; Цит. по: П.Н.Милюков. *Очерки истории русской культуры,* т.2, СПб, изд-во Пантелеевых, 1909, стр. 23.

48 Цитаты из Ленина и Сталина подобраны в: Alain Bezanson. *L'Empire russe et la domination sovietique.* — In: Maurice Duverger et al. (eds.) *Le Concept d'Empire.* Paris, P.U.F., 1980, p.370.

49 “Ленин о дружбе с народами Востока”, М., 1961, стр. 113-116, 334-337.

50 Там же, стр. 290 (приветствие Ленина Индийской революционной ассоциации впервые опубликовано в “Правде” 20 мая 1930 г.).

51 Fritz Fischer. *Germany's Aims in the First World War.* New York, Norton, 1967, pp. 120-154.

52 В.И.Ленин, Указ. сборник, стр. 22-26.

53 Там же, стр. 29.

54 Там же, стр. 245-247.

55 Живое описание, опубликованное сравнительно недавно, см. в: Peter Hopkirk. *Setting the East Ablaze.* London, John Murray, 1984.

56 В.И. Ленин. Указ. сборник, стр. 338-340 (статья "Лучше меньше, да лучше" была опубликована в "Правде" 4 марта 1923 г.).

57 Там же, стр. 261-283. Воззвание "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока" от 3 декабря 1917 г. подписано Ульяновым (Лениным) и Джугашвили (Сталиным).

58 Emmanuel Sarkisyanz. *Russland und der Messianismus...*, s. 200-203. Более прозаическое объяснение состоит в том, что Третий, или Коммунистический Интернационал (Коминтерн, 1919-1943 гг.) был основан в Москве в качестве преемника Второго Интернационала (1889 г.), сменившего Первый Интернационал (1864 г.), созданию которого помогал Карл Маркс. Подробнее см. Mikhail Agursky. *The Third Rome: National Bolshevism in the USSR*. Boulder, Westview, 1987.

59 Несмотря на то, что нерусские советские народы трактовались немцами как наемники и пушечное мясо, примерно 300-400 тыс. представителей этих народов пошли добровольцами в германскую армию. Они в основном происходили из различных народов Средней Азии и Кавказа, из крымских и волжских татар и калмыков. С продвижением Красной армии последовало наказание от Сталина: немцы Поволжья, крымские татары, калмыки и некоторые народности Северного Кавказа, всего около 1,5 млн. человек, включая стариков, женщин и детей, подверглись массовой депортации. Данные см. в: Alex Alexiev. *Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945*. The Rand Corporation, Note R-2772-NA, Santa Monica, 1972.

60 Многие формы ментальности, связанные с так называемой желтой опасностью, живы в СССР и сегодня. См., например, Андрей Амальрик. *Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?* Амстердам, изд-во Фонда им. Герцена, 1969; Dev Murarka. *The Russian Intervention of Afghanistan: A Moscow Analysis*. Round Table, 282, April 1981, pp. 122-139; Vladimir Rybakov. *The Burden*. London, Hutchinson, 1984; Gordon Brook-Shepherd. *Captured Red Army Letters Tell the Story of the*

Russians at War. — "Sunday Telegraph", June 5 and June 16, 1985; Martin Walker — in: "The Manchester Guardian Weekly", July 7, 1985; Arthur Bonner. "The New York Times", November 1, 1985; Vassiliy Aksyonov, *The New York Times Magazine*, May 3, 1987. Классическая разработка вопроса о понимании "желтой опасности" в СССР содержится, несомненно, в: Harrison E. Salisbury. *The Coming War between Russia and China*. London, Pan Books, 1969, pp. 28-38. См. его же введение к: Victor Louis. *The Coming Decline of the Chinese Empire*. (New York Times Books, 1979), в котором он расходится во мнениях с автором книги. Всесторонний обзор русско-мусульманских отношений в Средней Азии см. в: S. Enders Wimbush. *The Soviet-Muslim Borderlands*. — In: *Conquest "The Last Empire..."*, 1986, pp. 218-234.

61 Интервью редактора "Вече" В.Н.Осипова американским журналистам Стивену Браунингу и Дину Миллсу от 25 апреля 1972 г. См.: "Архив самиздата", RFE/RL, 1588, стр. 11-18.

62 Alexandr Yanov. *The Russian New Right*. Berkeley, Institute of International Studies, 1978, pp. 10-11.

63 Термин, принятый в убедительном исследовании J. Krejci and V. Velimsky. *Ethnic and Political Nations in Europe*. London, Croom Helm, 1981, pp. 112-114. Оба автора доказывают, что, доминируя в РСФСР, крупнейшем "материнском" акционерном обществе империи, великороссы контролируют все "дочерние" компании в самом СССР и в советском блоке.

64 Zbigniew Brzezinski. *Tragic Dilemmas of Soviet World Power: The Limits of a New-Type Empire*. — "Encounter", 61/4, December 1983, p. 10.

65 Михаил Бернштам предсказывает, что к 2050 г. будет всего лишь 107 млн. великороссов и 141 млн. мусульман, если сохранятся нынешние показатели рождаемости. См. Bernstam, *Op. cit.*, pp. 322-323.

- 66 John B. Dunlop. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton, N.J. Princeton University Press, 1983, p. 136.
- 67 Frederick C. Barghoorn. *Russian Nationalism and Soviet Politics: Official and Unofficial Perspectives*. - in: "The Last Empire...", p. 32; Teresa Rakowska-Harmstone. *Minority Nationalism Today: An Overview*. — Ibidem, p. 237.
- 68 М.С.Горбачев. Указ. соч., стр. 118-122.
- 69 Ю.В.Бромлей. *Этнос и этнография*. М., Изд-во "Наука", 1973; Ю.В.Бромлей и К.В.Чистов. *Великий Октябрь и советская этнография*. — "Советская этнография", 1987, 5, стр. 3-18. Среди недавних исследований на эту тему см.: Peter Skalnik. *Towards an understanding of Soviet ethnos theory*. — "South African Journal of Ethnology", 9/4, 1986, pp. 157-166.
- 70 См. критику в адрес Л.Н.Гумилева в: В.И.Козлов. *О биолого-географической концепции этнической истории*. — "Вопросы истории", 1974, 12, стр. 73-85.
- 71 "Литературная газета", 28 мая 1986 г.
- 72 John Dunlop. *Op.cit.*, pp. 141-145.
- 73 Mikhail Agursky. *The Third Rome*, pp. 184-187; см. также М.Агурский. *Идеология национал-большевизма*. Париж, YMCA-Press, 1980; Николай Устрялов. *Под знаком революции*. Харбин, 1927.
- 74 Mikhail Agursky. *The Third Rome*, pp. 283-287, 313-315.
- 75 См.: Сергей Семанов. *Сердце Родины*, 1977. Книга отличается ярко выраженным культом военных вождей; русская идея противопоставляется в ней вдохновляемому Западом еврейско-масонскому заговору против нее. John B. Dunlop. *The New Russian Nationalism*. New York, Praeger, 1985, p.90.
- 76 John Dunlop. *Faces...*, p. 242; *New Russian Nationalism*, p. 88.

- 77 Frederick Barghoorn. *Op.cit.*, pp. 34-39.
- 78 Alexandr Yanov. *Op.cit.* 113, 127.
- 79 "Из-под глыб". Париж. YMCA-Press, 1974.
- 80 См. там же три очерка Игоря Шафаревича.
- 81 См. примечание 61, а также John Dunlop. *Faces...*
- 82 Об Илье Глазунове как поборнике русской идеи и его популярности среди русских см. Vladislav Krasnov. *Russian National Feeling: An Informal Poll*. — In: "The Last Empire...", pp. 109-130.
- 83 См. John Dunlop. *Faces...*, p. 164. Автор все же верит, что большинство русских националистов не против отделения нерусских республик.
- 84 "Из-под глыб", стр. 115-150.
- 85 "Письмо вождям Советского Союза" Солженицына вышло отдельным изданием в ряде зарубежных издательств, а в последние годы и в СССР.
- 86 С.Н.Южаков. *Англо-русская распря*. СПб, 1885. Н.Ф.Федоров. *Философия общего дела*. тт.1-2, Верный, 1906, Москва, 1913.
- 87 "Из-под глыб", стр. 149.
- 88 Федор Нестеров. *Связь времен*. М., "Молодая гвардия", 1980.
- 89 Mikhail Agursky. *The Prospects of National Bolshevism*. — In: "The Last Empire...", pp. 103-105.
- 90 Цит. по: Nicholas V. Riasanovsky. *Russia and Asia*, p.181; *Asia through Russian's Eyes*, pp. 14-16.

91 М.П.Погодин. О русской политике на будущее время. — "Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны, 1853-1856", М., 1874, стр. 242-243.

92 С.М.Соловьев. История России с древнейших времен. 29 томов. М., 1851-1879; 2-е издание, 15 томов, М., Изд. социально-экономической литературы, 1959-1966.

93 С.М. Соловьев. О влиянии природы русской государственной области на историю. - "Отечественные записки", 69/II, 1859, стр. 229-244.

94 По: Seymour Becker. The Muslim East in Nineteenth-Century Russian Popular Historiography. — "Central Asian Survey", 5/3-4, 1986, pp. 25-47.

95 Ibidem. В.О. Ключевский. Курс русской истории. т.1, М., 1956, стр. 31-32.

96 П.Н.Милюков. Очерки по истории русской литературы. т. 1, СПб., 1896, стр. 54-55.

97 Richard A. Pierce. Russia in Central Asia 1867-1917. Berkeley: University of California Press, 1960, pp. 203-230; Martha Brill Olcott. The Kazakhs. Stanford, Hoover, 1987.

98 "Дипломатия войны царской России в XIX столетии", М., "Красная новь", 1923. Судьба школы М. Покровского в СССР обсуждается в: Cyrill E. Black (ed.). Rewriting Russian History. New York, A.A. Knopf, 1956; Lowell Tillet. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill University of North Carolina Press, 1969.

99 Lowell Tillet. Op.cit., pp. 360-361.

100 Ibidem. Е.Л.Штейнберг. Очерки истории Туркмении. М.-Л., 1934, стр. 47-59.

101 О происхождении "большой игры" в Средней Азии см.:

M. Hauner. The Last Great Game. — "The Middle East Journal", 38/1, Winter 1984, pp. 72-84.

102 Mark Bassin. "The Russian Geographical Society and the Great Siberian Expedition 1855-1863". — In: "Annals of the Association of American Geographers", 73/2, 1983, p.242. Подробнее о немецком влиянии на востоковедение в России см.: R. Frye. Oriental Studies in Russia, 1972, pp. 30-51.

103 Цит. по: Heinz Gollwitzer. Op.cit., s. 212

104 В.В.Григорьев. Об отношении России к Востоку. Одесса, 1840.

105 П.П.Семенов. В: "Вестник Императорского Русского Географического Общества", 15, 1855, стр. 254.

106 М.И.Венюков. Поступательное движение России в Средней Азии. - "Сборник государственных знаний", 3, СПб.

107 Sir Loius Mallet. Historical Summary of the Central Asian Question, April 30, 1874, IOR: L/P& S/18/C 9.

108 Dietrich Geyer. Der Russische Imperialismus. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1977, s.77. Стандартное советское толкование проблемы, в котором военное завоевание подчинено экономической мотивации, см. в: Н.А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., Изд-во "Наука", 1965.

109 Michael Rywkin. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. Armonk, Sharpe, 1982, p. 18.

110 Г.В.Чичерин. Статьи и речи. М., Изд-во социально-экономической литературы, 1961, стр. 86-98 (перепечатано из "Вестника НКВД", 2, 13 августа 1919 г.).

111 О русских параллелях "теории пограничья" Фредерика Дж. Тернера (Frederick J. Turner) см.: Carsten Goehrke. Geogra-

phische Grundlagen der russischen Geschichte. — "Jahrbucher für Geschichte Osteuropas", 18, 1970, s. 161-204.

112 W. Kerr Fraser-Tytler. Afghanistan. New York, Oxford University Press, 1953, pp. 319-323; Hans Rogger. Russia in the Age of Modernisation and Revolution 1881-1917. London, Longman, 1983, pp. 164-165.

113 Firuz Kazemzade. Russia and Britain in Persia. 1864-1914. A Study in Imperialism. New Haven, Yale University Press, 1968, p. 15.

114 Dietrich Geyer. Der Russische Imperialismus. 1977, s. 80-81.

115 "Дневник П.А.Валуева. 1865-1876 гг." под ред. П.А. Зайчковского. т. 2, М., 1961, стр. 60-61 (запись от 20 июля 1865 г.).

116 Charles Allen. A Mountain in Tibet. The Search for Mount Kailas and the Sources of the Great Rivers in India. London, Futura, 1983, pp. 192-193.

117 G.N.Curzon. The Pamir and the Source of the Oxus. London, Royal Geographical Society, 1898, p. 1.

118 Emmanuel Sarkisyanz. Russland und der Messianismus, s. 105, 211.

119 Robert Strausz-Hupe. Geopolitics. The Struggle for Space and Power. New York, Putnam, 1942, p. 155.

Дьердь Чепели, Антал Оркенъ

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ И ЧУВСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Внимание политиков вновь приковано к вопросу о том, как национальные и этнические группы соотносятся с интегрирующими их государственными структурами. Проблемы мирного или натянутого сосуществования между различными группами этнического большинства и меньшинства в восточноевропейских обществах и возрождение там национализма, шовинизма, антисемитизма и дискриминационного отношения к цыганам вновь возродились в качестве одного из измерений общественной жизни. Эти тенденции ставят общества Восточной и Центральной Европы лицом к лицу с разъедающим их изнутри феноменом, который постепенно отравляет само их существование, предательски воздействуя на взаимоотношения людей, их общение и совместное проживание. Пока продолжалась эйфория по поводу внезапной кончины социализма, эти вещи не вызвали особого беспокойства, но с тех пор различные симптомы этой болезни успели умножиться и сейчас в изобилии проявляются как на политической сцене, так и в обыденной жизни. Националистические обертоны все более явственно прослушиваются в венгерских оценках румынского национального восстания. Премьер-министр Венгрии заявил, что он ощущает себя духовным лидером всех 15 млн. этнических венгров, живущих в регионе. В Словакии словацкий язык получил статус государственного, что ограничивает там использование венгерского и украинского языков. Уже в самые первые дни независимости Литвы возникли сомнения относительно будущего гражданства польского и русского меньшинств в населении этой страны. Национальное собрание Румынии желает такой конституции,